

Дмитрий Игуменцев

**Эрл. Ветры
Кимрады**

Дмитрий Игуменцев
Эрл. Ветры Кимрады

«Автор»

2026

Игуменцев Д. Ю.

Эрл. Ветры Кимрады / Д. Ю. Игуменцев — «Автор», 2026

Говорят, есть любовь, которая случается раз и навсегда. Для Эрла и Айши она стала не счастьем, а приговором. Их чувства были слишком яркими для города, где тень правителя длиннее любого рассвета. Сахиб видел в этой любви угрозу своей власти — и не собирался оставлять её без ответа. Разлука растянулась на десятилетия. Встречи стали редкими и горькими, как глоток воды в пустыне. А над Кимрадой тем временем сгущались тучи: небо затягивали стальные крылья новых машин, дирижабли заслоняли Солнце, и воздух становился тяжёлым от предчувствия войны. «Эрл. Ветры Кимрады» — это история о том, как любовь может быть одновременно самым хрупким и самым твёрдым материалом: из неё строят мосты, и ею же ломают империи. Дисклеймер. Данная книга является фанфиком книги "Эрл - воздушный пират". В создании текста участвовала нейросеть.

© Игуменцев Д. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27

Дмитрий Игуменцев

Эрл. Ветры Кимрады

Глава 1

В далёких краях, где леса сплетаются с туманами, а время течёт медленнее, чем в остальном мире, берёт своё начало всякая великая сага.

В глухой деревушке, затерянной среди вековых деревьев и будто забытой самими богами, жила женщина, чьё сердце было полно тихой печали. Она была одинока, бездетна, и лишь одна мечта жила в её душе — держать на руках собственное дитя. Дни и ночи она возносила к небесам мольбы, и голос её, полный скорби и надежды, сливался с шёпотом ветра в кронах.

И небеса вняли её страданию.

Наступила гроза, какой не помнили даже старейшины: небо расколосось надвое, молнии плясали в воздухе, словно когти разъярённых духов, а ветер выл, будто предвещая гибель мира. Но в самом сердце этой бури, в той точке, где не бушевали ни вихри, ни огненные стрелы небес, возникло нечто невероятное.

Плетёная корзина, простая, будто сотканная из самой нужды и надежды, парила в воздухе — нетронутая яростью стихии. В ней, укрытый от бушующего мира, мирно спал младенец. А над корзиной трепетал грубый парашют из лоскутов ткани — словно рука неведомого покровителя удерживала этот хрупкий дар посреди апокалиптического хаоса.

Так началась легенда — тихая, печальная и великая одновременно. И никто тогда не знал, что этот ребёнок однажды изменит судьбу целого континента...

Женщина приняла младенца как дар свыше — и сердце её, столько лет скованное тишиной одиночества, наконец наполнилось светом. Она укутала дитя в лоскутное одеяло, пахнущее дымом очага и травами, и прошептала: «Ты будешь моим ребёнком. И я сберегу тебя от всего мира».

Но не только радость принесла корзина из бури. В ту же ночь старейшина деревни, седой провидец, чьи глаза видели не только то, что перед лицом, но и то, что скрыто пеленой грядущего, пришёл к её порогу. Он долго смотрел на спящего младенца, а потом тихо произнёс:

— В его дыхании — шёпот ветров, что предвещают перемены. Этот ребёнок — не просто дитя. Он — знак. И судьба его будет велика... и горька.

Старейшина рассказал, что в древних свитках, хранимых в тайном святилище на краю леса, есть пророчество: «Когда небо расколется от гнева, а земля задрожит от страха, явится тот, кто принесёт свет — и тот, кто станет причиной сумерек. Его путь будет устлан цветами и пеплом, а имя его будут произносить шёпотом и криком».

Женщина слушала, и радость в её душе смешивалась с тревогой. Она не хотела верить в грядущую беду, но в словах провидца звучала неотвратимость судьбы. И всё же она поклялась: что бы ни ждало впереди, она будет стоять между этим ребёнком и любой бедой.

Годы шли. Мальчик рос — тихий, внимательный, будто прислушивающийся к голосам, которых никто другой не слышал. Деревенские дети тянулись к нему, чувствуя в нём что-то особенное, а старики порой смотрели с опаской, вспоминая слова старейшины. А когда ему исполнилось двенадцать, в деревню пришла весть: на востоке зашевелились древние тени, пробуждаясь от долгого сна, и знамения множились, словно звёзды перед бурей.

В ту ночь женщина снова вышла под небо, полное холодных огней, и прошептала в темноту:

— Пусть он принесёт свет. Пусть даже ценой собственной тени.

И ветер, пробираясь сквозь кроны вековых деревьев, будто ответил ей шёпотом: «Так и будет. Но цена окажется выше, чем ты можешь представить».

С годами имя Эрл стало в деревне почти нарицательным: «Бежит, как Эрл — будто земля сама его несёт», «Прыгает, как Эрл, — ни камень не подведёт, ни пропасть не схватит». И правда, мальчик будто не знал страха: мчался сквозь лес, не глядя под ноги, перемахивал с валуна на валун над зияющими расщелинами, а ветер только смеялся ему вслед, трепля светлые волосы.

Но чем смелее он становился, тем чаще его взгляд уплывал туда, куда смотреть было запрещено, — к Чёрной Стене. Она вздымалась вертикально в небо, словно застывший крик земли, и водопады срывались с её гребней, будто слёзы о потерянном севере. Говорили, что за стеной живут чудовища, что там обитают одни тени, что сама скала дышит холодом и злобой. Но Эрл чувствовал иное: не угрозу, а зов. Ему казалось, что стена не отталкивает его — она ждёт, когда он поймёт, что между ними есть связь. И порой, стоя у опушки, он закрывал глаза и слышал в рёве водопадов не шум воды, а чей-то далёкий голос, будто зовущий по имени.

Женщина, видя, как всё сильнее манит сына запретный край, ночами не смыкала глаз. Она знала: запрет на приближение к Стене был не просто деревенским обычаем — он хранил деревню от беды. Каждый раз, когда Эрл возвращался из леса, она обнимала его так крепко, словно пыталась удержать в себе его неукротимую тягу к свободе, и шептала:

— Пусть небо будет твоим, сынок. Смотри на него, мечтай о полёте... но не тянись к тому, что несёт только тьму.

Эрл кивал, обещал быть осторожнее, но в глазах его по-прежнему горел упрямый огонёк. Он не хотел зла, не искал опасности — он искал ответы. Кто он? Откуда появился в этой глухой деревне? Почему в ту грозу корзина с ним парила в самом сердце бури, нетронутая молниями? И главное — почему Чёрная Стена будто отзывалась в его груди глухим эхом, стоило только подойти ближе?

Однажды, когда ему исполнилось четырнадцать, он не вернулся к ужину. Солнце уже садилось, окрашивая вершины скал в багровый цвет, а деревня замерла в тревожной тишине. Женщина стояла у порога, сжимая в руках старый отцовский нож, и смотрела туда, где небо сливалось с чёрным камнем. В тот момент она поняла: нельзя удержать ветер, нельзя привязать к земле того, кто рождён искать истину. Но можно дать ему знак, который вернёт домой, если тьма попытается его поглотить.

Она взяла уголёк и начертала на куске бересты древний символ — знак дома, знак памяти, знак того, что его здесь ждут.

— Если станет страшно, — шепнула она в пустоту, будто адресуя слова самой Стене, — пусть этот знак напомнит ему, что есть место, где его любят.

А Эрл тем временем стоял на краю обрыва, в нескольких шагах от запретной черты. Водопад ревел рядом, обдавая его брызгами, и в этом рёве ему вдруг послышалось не проклятие, а предупреждение: «Ты ещё не готов. Но ты будешь». Он протянул руку к холодному камню — и в тот миг, когда пальцы коснулись поверхности, Стена не оттолкнула его. Напротив, на мгновение будто вздохнула, и по её поверхности пробежали тонкие голубые прожилки, похожие на вены, наполненные светом. Они вспыхнули и тут же погасли, но Эрл успел заметить: в узоре прожилок угадывался знакомый контур — тот самый символ, что мать рисовала на бересте.

Он отшатнулся, сердце колотилось где-то в горле, а в голове звенело от внезапного понимания: он не чужой этой стене. Он — часть её тайны. И пророчество, о котором шептали старики, говорило не о том, что Стена породит беду, а о том, что именно он может стать тем, кто либо разрушит её, либо узнает, что скрывается по ту сторону.

В ту ночь Эрл вернулся домой, но уже не тем послушным мальчиком, который кивал в ответ на просьбы матери быть осторожнее. Он вернулся с вопросом, который не решался

произнести вслух: «Если за Стеной — тьма и чудовища, почему она отзывается на моё прикосновение?»

И женщина, увидев в его глазах не страх, а решимость, поняла: скоро ему придётся уйти. Не потому, что он ищет приключений, а потому, что судьба тянет его туда, где кончается известный мир.

Солнце садилось за Чёрную Стену, окрашивая водопады в багрянец, будто сама природа плакала по тому, что должно было случиться. В маленькой хижине, пропахшей дымом очага и сухими травами, женщина лежала на узкой лавке, укрытая старым шерстяным пледом. Лицо её стало тонким, почти прозрачным, а дыхание — редким и тихим, как шелест опавших листьев. Эрл сидел рядом, сжимая её ладонь так крепко, будто боялся, что, если ослабит хватку, она исчезнет навсегда.

— Не надо так держаться, — слабо улыбнулась она, и в этой улыбке было столько нежности, что у Эрла внутри всё сжалось от боли. — Ты ведь всегда хотел свободы. А сейчас будто пытаешься удержать саму жизнь.

Эрл не ответил. Слова застряли в гортани колючим комком. Он только покачал головой, не в силах выговорить ни «не уходи», ни «останься», потому что знал: эти мольбы не помогут.

— Ты построишь свой корабль, — прошептала она, глядя куда-то поверх его плеча, туда, где за окном темнело небо. — И поднимешься выше облаков. Я знаю, ты это сделаешь. И пусть это будет не бегством от меня, а полётом к себе.

— Я не хочу лететь без тебя, — наконец выдавил Эрл, и голос его дрогнул. — Я не смогу...

— Сможешь, — она чуть сжала его пальцы, и эта слабая сила удивила его больше, чем любая буря. — Потому что я буду с тобой. Не здесь, не в этой комнате, а в каждом ветре, который наполнит твои паруса. В каждом рассвете, который ты встретишь.

Она закрыла глаза, и на мгновение в хижине стало так тихо, что Эрл услышал, как где-то далеко, у самой Стены, рокочет водопад, будто отсчитывая последние мгновения. А потом тишина стала абсолютной. Женщина вздохнула — глубоко, спокойно, будто наконец нашла то, что искала, — и её рука в его ладони стала совсем лёгкой, почти невесомой.

Эрл замер, не веря, что это конец. Он звал её, шептал, тряс за плечи, хотя понимал, что уже поздно. Боль накатывала волнами, разрывая грудь, выжигая изнутри всё, что когда-то было простым и понятным. Он кричал в темноту, и крик его уходил в ночь, растворяясь в рёве воды и шуме ветра.

На рассвете деревня узнала о смерти женщины. Люди приходили, говорили тихие слова, ставили у порога горшочки с едой, но Эрл никого не видел. Он сидел у окна, глядя на Чёрную Стену, и чувствовал, как внутри разрастается пустота, которую не заполнить ни словами, ни делами.

Старейшина пришёл ближе к полудню. Седой, сгорбленный, он остановился в дверях, не решаясь переступить порог.

— Эрл, — тихо позвал он. — Люди говорят, что ты собираешься строить летучий корабль. Что хочешь подняться выше облаков.

Эрл медленно повернул голову. В его глазах не было ни злости, ни отчаяния — только холодная решимость, от которой старейшине стало не по себе.

— Да, — коротко ответил Эрл. — Я построю его.

— Это не просто дерзость, — продолжил старейшина, подбирая слова. — Это вызов самой земле. И Стене. Ты знаешь, что говорят: кто пытается обмануть гравитацию, тот будит то, что лучше не трогать. Мы просим тебя... не запускать корабль здесь. Уведи его подальше. Пусть деревня останется в покое.

Эрл усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Вы боитесь, что я разобью небо? Или что стена ответит?

— Мы боимся не стены, — спокойно ответил старейшина. — Мы боимся того, что ты потеряешь себя, пытаешься убежать от боли.

Эрл поднялся, высокий, худой, будто вытянувшийся от горя.

— Я уже потерял, — тихо сказал он. — А теперь хочу найти хоть что-то. Даже если это будет только ветер.

Он вышел из дома, не оглядываясь, и направился к поляне за лесом, где уже лежали доски, канаты и куски парусины — всё, что он собирал месяцами. Деревня смотрела ему вслед, и в этом взгляде было и сочувствие, и страх, и тихая надежда, что он найдёт свой путь.

Месяцы текли, как вода по камням, и каждый день Эрл отдавал кораблю частичку себя. Он не просто строил — он слушал. Стоило ему коснуться балки, провести ладонью по стыку досок, как в сознании вспыхивали схемы, словно кто-то невидимый транслировал ему чертежи из параллельных миров. Он видел не просто дерево и верёвки — он видел напряжения, слабые места, потоки сил, которые можно было направить иначе. Чёрная Стена, окутывая южное полушарие своим магнитным и гравитационным полем, будто шептала ему секреты инженерии: вот здесь добавить распорку, здесь — переплести канаты особым узлом, здесь — сместить центр тяжести, чтобы корабль не просто держался в воздухе, а жил в нём.

И фрегат рос. Огромный, гордый, с высокими мачтами и парусами, похожими на крылья гигантской птицы. Эрл работал в одиночестве, потому что одиночество стало его щитом: чужие голоса мешали слышать шёпот Стены, а чужие взгляды сбивали внутренний прицел.

Однажды, когда фрегат уже стоял на стапелях, почти готовый к первому полёту, Эрл снова пришёл к водопаду. Тяга к Стене не ослабевала — напротив, она стала частью его дыхания. У самой кромки воды, среди мокрых камней, он вдруг заметил металлический диск — тот самый, что когда-то едва вибрировал в его руке. Теперь он лежал, будто ждал, когда его найдут.

Эрл поднял его, и в тот же миг прожилки на Стене вспыхнули тусклым голубым светом. Но теперь он не отшатнулся. Он поднёс диск ближе, и свет потянулся к нему, сплетаясь в узоры, похожие на схемы узлов и креплений. В сознании Эрла вспыхнули новые образы — не просто детали корабля, а принципы, лежащие в основе гравитационных машин, спрятанных в Стене и космосе. Он понял, что его способности — это не дар, а отклик на поле Стены: она даровала ему инженерное видение, позволяя видеть конструктивные особенности и изъяны, словно читая чертежи самой реальности.

Но вместе с пониманием пришла и тревога: он осознал, что поле Стены не просто помогает ему строить — оно влияет на сам полёт. Любой взлёт вблизи Стены будет искажён её гравитационными волнами. Чтобы подняться выше облаков, нужно либо уйти далеко от Стены, либо понять её законы настолько глубоко, чтобы научиться с ними договариваться.

В день первого полёта Эрл поднялся на палубу фрегата один. Он не хотел ни свидетелей, ни советов. Ветер гудел в снастях, будто смеялся над его решимостью, но Эрл стоял твёрдо. Паруса наполнились, корпус дрогнул, и фрегат медленно оторвался от земли. Он поднимался всё выше, величественный и гордый, словно бросая вызов самой природе.

Но когда он приблизился к невидимой границе у Стены, пространство будто сжалось. Корабль тряхнуло, как игрушку в бурной реке, паруса заплоскались, а сам фрегат начал медленно опускаться вниз, словно сама гравитация не хотела его отпускать. Эрл стискивал штурвал, чувствуя, как сквозь дерево в него вливается знание: здесь поле Стены слишком сильное, здесь законы полёта искажены. Он не мог победить это силой, только пониманием.

Наконец, фрегат мягко опустился на землю в нескольких милях от деревни. Эрл спрыгнул на траву, тяжело дыша, и посмотрел на Чёрную Стену. Она стояла, как всегда, молчаливая и неприступная, будто знала все его мысли.

— Значит, не так просто улететь от всего, — пробормотал он, проводя рукой по лицу.

В этот момент из-за поворота тропы вышла женщина в дорожной одежде, с посохом и сумкой за плечами. Она остановилась, оценивающе посмотрела сначала на огромный фрегат, потом на Эрла.

— Впечатляет, — сказала она, чуть приподняв бровь. — Настоящий летучий фрегат. Не то что эти деревенские поделки. Но, судя по тому, как ты приземлился, гравитация всё-таки сильнее амбиций.

Эрл нахмурился. Он не любил, когда чужие вторгались в его пространство.

— Кто ты?

— Меня зовут Лира, — она кивнула на корабль. — Бывшая навигатора торгового каравана. Знаю, как читать ветра и где прячутся опасные течения. И ещё знаю, что над Стеной никто не летает. По крайней мере, пока не доберёшься до мест, где поле стены становится тоньше.

Эрл помолчал, взвешивая её слова.

— Мне не нужны попутчики, — сказал он твёрдо. — Я летаю один.

Лира не обиделась. Наоборот, в её глазах мелькнуло уважение.

— И это правильно, — кивнула она. — На таком корабле, как твой, нельзя делить штурвал. Но я не предлагаю лететь с тобой. Я предлагаю кое-что другое. У тебя есть небольшое судно — лёгкое, манёвренное. Если ты отдашь мне тот маленький корабль, на котором пытался взлететь раньше, я смогу использовать его для разведки. Буду лететь рядом, на безопасном расстоянии, и отмечать, где гравитационные волны сильнее, а где слабеют. Так ты сможешь проложить маршрут для фрегата.

Эрл задумался. Он не хотел зависеть от кого-то, но и не мог отрицать, что её опыт может быть полезен.

— Маленький корабль... — пробормотал он. — Он мне больше не нужен.

— Тогда это будет честная сделка, — улыбнулась Лира. — Ты идёшь своим путём, а я — своим. Но наши пути могут идти рядом, пока это выгодно обоим.

Эрл посмотрел на фрегат, на его потрёпанные паруса и сломанные крепления. Потом снова на Лиру.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Возьми тот корабль. Но помни: я не ищу компании. Я ищу путь.

Лира кивнула, принимая условия.

— Договорились. Я не буду мешать тебе быть одиноким. Но и не позволю тебе разбиться из-за гордости.

Они двинулись дальше: Эрл — рядом со своим фрегатом, готовя его к новому полёту, Лира — к маленькому кораблю, который теперь стал её. Впереди лежал долгий путь, и первой остановкой должен был стать торговый город Атия, где Эрл надеялся найти ответы, а может, и новые загадки. Но прежде чем он достигнет Атии, ему предстояло научиться летать не вопреки Стене, а вместе с её законами.

Чёрная Стена молча наблюдала за ними, храня свои тайны. И где-то в её глубинах гравитационные машины тихо гудели, словно шептали: «Он приближается. Он начинает понимать».

Путь до Атии занял почти две седмицы. Эрл вёл фрегат осторожно, не бросая вызов ветру, а прислушиваясь к нему — так, как учила его Чёрная Стена. Лира держалась рядом на маленьком корабле, отмечая на карте места, где гравитационные волны вздымались, словно подводные скалы, и где воздух будто становился гуще, мешая ходу.

— Здесь поле сильнее, — кричала она через расстояние, указывая на изломанный край каньона, где скалы уходили вниз, теряясь в белёсом мареве тумана. — Держи правее, иначе фрегат начнёт проседать!

Эрл кивал, не отвечая, и корректировал курс. Он не любил лишних слов, но не мог отрицать: её наблюдения спасали его корабль не раз. Маленький корабль Лиры скользил легко, как лист по воде, и Эрл порой ловил себя на мысли, что в этом изяществе есть своя инженерная красота. Но свой фрегат он не променял бы ни на что: в его массивности, в тяжёлой поступи по воздушным течениям была сила, которой он доверял.

Местность вокруг становилась всё более дикой. Катаклизм, разрушивший север, оставил после себя шрамы: глубокие каньоны, будто рассечённые гигантским клинком, пропасти, в которых терялся даже крик, и скалы, торчащие, как сломанные зубы. Деревья росли странно — кривыми, узловатыми, цепляясь корнями за малейшие выступы. Порой Эрлу казалось, что сама земля здесь помнит боль того дня, когда северное полушарие раскололось.

И вот однажды утром горизонт изменился. Из тумана выступила огромная скала, словно кто-то срезал её вершину ровным ударом топора. На этой плоской вершине раскинулся Атия — город, будто собранный из камня и ветра. Его окружали навигационные башни — высокие, тонкие, похожие на шпили, уходящие вниз, в самую глубину пропасти. Они мерцали тусклым голубым светом, отзываясь на гравитационные потоки, и служили маяками для воздушных кораблей. Вокруг города кольцом стояли скалы, с которых срывались водопады, падая в бездну и растворяясь в тумане задолго до дна.

— Вот она, — прокричала Лира, выравнивая свой корабль рядом с фрегатом. — Атия. Город, который держится на ветре и расчётах. Здесь каждый камень стоит там, где ему велит гравитация.

Эрл молча смотрел на город. В нём не было восторга, только напряжённое внимание. Он чувствовал, как меняется поле Стены: здесь оно было не сплошным, а раздробленным, словно мозаика из разных течений. И фрегат отзывался на это — дрожал едва уловимо, будто узнавал знакомые ноты в чужой песне.

Они начали снижаться, следуя за сигнальными огнями башен. Внизу, на причальных платформах, вырубленных прямо в скале, сновали люди, махали флажками, подавали сигналы. Воздушные корабли — от огромных грузовых гигантов до юрких курьерских судёнышек — кружили, как птицы, выбирая место для посадки.

Фрегат Эрла опустился тяжело, но ровно — он будто знал, как вести себя в этом сложном танце гравитации. Едва коснувшись платформы, Эрл спрыгнул на камень, не дожидаясь трапа. Он хотел почувствовать землю под ногами, убедиться, что она всё ещё держит.

Но едва он сделал шаг, как его взгляд зацепился за деталь, которую никто вокруг, казалось, не замечал. Причал был вырублен в скале и укреплён металлическими стяжками, но одна из них, массивная, кованая, имела едва заметный излом — микроскопическую трещину, которую обычный глаз мог бы пропустить. Однако Эрл видел не просто металл: он видел напряжения, бегущие по нему, как молнии по грозовому небу. Он видел, как трещина медленно, но верно растёт, подпитываемая гравитационными волнами, которые пронизывали город.

Он подошёл ближе, провёл рукой по стыку, и в сознании вспыхнула схема: вот здесь нагрузка превышает расчётную, вот здесь металл устал, а вот здесь крепление держится на честном слове и ржавчине.

— Эй, парень, не стой на краю! — рявкнул портовый надсмотрщик, крепкий мужчина в кожаной куртке, увешанной значками. — Тут не смотровая площадка!

— Там трещина, — коротко бросил Эрл, не отводя взгляда от металла. — В стяжке. Если через неё пройдёт тяжёлый корабль, она не выдержит.

Надсмотрщик фыркнул.

— Мы тут не первый год корабли принимаем. Если бы что было не так, башни бы дали сигнал.

— Башни следят за потоками, — спокойно ответил Эрл. — А не за усталостью металла.

Надсмотрщик прищурился, будто хотел разглядеть в этом юноше насмешку, но в голосе Эрла не было ни насмешки, ни вызова — только сухая уверенность, от которой становилось не по себе.

— Ладно, — буркнул он, доставая свисток и подавая сигнал рабочим. — Пусть глянут. Но если это пустая тревога, ты отработаешь простой!

Эрл не ответил. Он отошёл в сторону, чувствуя, как взгляды портовых липнут к нему, словно к чужаку, который слишком много знает. Лира подошла к нему, слегка нахмурившись.

— Ты всегда так? — спросила она тихо. — Сразу видишь, где сломается?

— Я не вижу, — поправил Эрл. — Я чувствую. Как будто кто-то шепчет мне на ухо, где слабое место.

Лира кивнула, будто это объяснение её не удивило.

— В Атии это может пригодиться. Или, наоборот, сделать тебя неудобным. Тут любят, чтобы всё шло по правилам, а не по ощущениям.

Пока рабочие осматривали стяжку, Эрл бродил по причалу, впитывая устройство города. Он видел, как навигационные башни взаимодействуют с гравитационными потоками, как платформы держатся в воздухе не за счёт магии, а за счёт точных расчётов и хитроумных механизмов. Он видел изъяны и в других местах: в креплениях подъёмников, в стыках платформ, в том, как некоторые корабли стояли чуть косо, будто их тянуло в сторону невидимой силой.

И именно в этот момент, когда Эрл замер у края платформы, пытаясь понять, почему одна из башен мерцает слабее остальных, к нему подошёл человек, который сразу выделялся среди портовой суеты.

Это был Дирек. Не в форменной одежде капитана, а в дорогом камзоле из тёмной ткани, расшитом серебряными нитями, с тяжёлой цепью на груди — знаком торгового дома. Он шёл неторопливо, но уверенно, и люди расступались перед ним, будто признавая его вес не в мускулах, а в золоте и связях. Рядом с ним семенил писарь с блокнотом, торопливо записывая каждое слово.

Дирек остановился напротив Эрла, окинул взглядом фрегат, потом самого Эрла — с ног до головы, как оценивают товар.

— Это твой корабль? — спросил он, голос у него был низкий, маслянистый, будто смазанный мёдом и сталью.

— Мой, — коротко ответил Эрл.

— И ты тот самый, кто поднял тревогу по стяжке? — Дирек чуть приподнял бровь. — Говорят, ты увидел трещину, которую приборы не ловят.

— Она там была.

Дирек хмыкнул, и в этом звуке было что-то вроде уважения, смешанного с расчётом.

— Знаешь, в Атии ценят две вещи: золото и точность. Точность приносит золото. А ты, похоже, умеешь видеть то, что скрыто.

Эрл молчал, не понимая, куда ведёт этот разговор.

— У меня есть груз, — продолжил Дирек, чуть понизив голос, так что писарь едва успевал записывать. — Дорогой. Очень дорогой. И я хочу перевезти его в Кимраду. Но не на любом корабле. Мне нужен тот, кто понимает, как эти потоки работают. Кто не положится на удачу, а посчитает каждый узел.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Твой фрегат выглядит крепким. А ты — человеком, который видит слабые места. Если ты согласишься взять мой груз, я заплачу столько, что ты сможешь достроить всё, что захочешь. Или купить новый корабль. Или улететь так далеко, что даже Чёрная Стена станет просто линией на горизонте.

Эрл посмотрел на Дирека. В его глазах не было жадности — только холодный расчёт. Для него деньги были не целью, а средством. Но предложение было заманчивым: оно давало ресурсы, чтобы двигаться дальше, к разгадке тайн Стены.

— Мне не нужны попутчики, — сказал Эрл твёрдо. — Я летаю один.

Дирек улыбнулся — не широко, а так, будто услышал именно то, что ожидал.

— Никто не просит тебя брать пассажиров. Только груз. И ответственность. А это, поверь, иногда тяжелее любого человека.

Эрл помолчал, взвешивая слова. Он чувствовал, что этот контракт — не просто сделка. Это первый шаг в большой игре, правила которой он пока не знал.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Покажи груз. И условия.

Дирек кивнул, будто уже считал это дело решённым.

— Отлично. Пойдём. У меня есть карта течений, которую не найти ни в одном порту. Если твой корабль действительно так хорош, как кажется, мы сможем пройти там, где другие не рискнут.

Они пошли вдоль причалов, мимо кораблей, мерцающих навигационных огней и молчаливых башен, а над городом кружили воздушные суда, словно птицы, ищущие своё место в сложном узоре ветров и гравитации.

Эрл шёл рядом с Диреком, и каждый шаг по вибрирующей от движения порта платформе отзывался в нём не просто звуком, а ощущением — он чувствовал, как гравитационные волны скользят по металлу, как воздух здесь плотнее, будто город сам сопротивлялся любому лишнему движению.

Дирек говорил быстро, с той уверенной небрежностью, с какой люди, привыкшие к золоту, обсуждают чужие корабли и чужие риски:

— Груз не простой. Это не мешки с пряностями и не бочки с вином. Это подарок для падишаха Сахиба, правителя Кимрады. Тонкие механизмы, кристаллы, которые поют, если их коснуться правильным тоном, и ещё кое-что, о чём лучше не кричать на причале. И если этот груз разобьётся в пути — мне не поможет ни одна навигационная башня.

Эрл слушал, но не кивал. Его не интересовали ни кристаллы, ни репутация Дирека. Его интересовало только одно: путь. А путь к Кимраде лежал через зоны, где гравитационные потоки становились капризными, а штормы рождались из ниоткуда.

— Я не беру грузы, — спокойно сказал Эрл, останавливаясь у края платформы. Отсюда было видно, как башни уходят вниз, в бездну, и как их свет пульсирует в такт невидимым волнам. — Я ищу дорогу. И ответы.

Дирек не вспыхнул. Наоборот, в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения — того, что появляется у торговца, когда он встречает человека, который не торгуется из страха.

— Тогда давай так, — сказал он, чуть наклонив голову, будто прикидывая вес слов. — Не груз. Сопровождение. Ты ведёшь свой фрегат рядом с моим торговым судном. Держишь дистанцию, но держишь. Если что-то пойдёт не так — ты тот, кто увидит опасность раньше всех. А я плачу не за груз, а за твои глаза и твой корабль.

Эрл помолчал. Предложение было странным, но в нём была логика, которую он понимал: не доверие к человеку, а расчёт на способность.

— И ещё одно, — добавил Дирек, будто между прочим, но взгляд его стал твёрже. — Мне нужен хороший лоцман. Тот, кто чувствует течения. Твоя спутница... Лира. Она знает своё дело. Пусть идёт со мной. Если твой фрегат будет рядом, мы сможем держаться ближе к безопасным потокам.

Эрл обернулся туда, где у маленького корабля стояла Лира. Она не вмешивалась, не пыталась повлиять на сделку. Просто стояла, положив руку на борт, будто слушала, как металл шепчет ей о ветрах.

Он знал, что она согласится. Не ради Дирека, а ради дела. И ещё он знал, что ему будет спокойнее, если рядом с торговым кораблём будет кто-то, кто видит то же, что и он.

— Хорошо, — наконец сказал Эрл. — Я сопровождаю. Не как наёмник. Как тот, кто не хочет, чтобы шторм забрал то, что летит к Кимраде.

Дирек улыбнулся, и улыбка эта была не доброй, а деловой — такой, после которой сразу начинают писать условия на пергаменте.

Отлёт назначили на рассвет, когда гравитационные потоки были ровнее, а воздух — прозрачнее. Торговый корабль Дирека был массивным, но изящным, словно собранным из ветра и расчётов: широкие палубы, высокие мачты, и по всему корпусу — тонкие гравитационные стабилизаторы, которые тихо гудели, удерживая судно в небе. Лира поднялась на борт первой, быстро, уверенно, будто это был её дом. Она кивнула Эрлу с верхней палубы:

— Держи дистанцию в две длины корабля. И смотри на пульсацию башен — они подсказут, где течение начнёт меняться.

Эрл кивнул. Он не любил прощаться, но этот кивок был чем-то вроде обещания: он не подведёт.

Фрегат поднялся первым, тяжело и гордо, словно проверяя, выдержит ли небо его вес. За ним последовал торговый корабль, и вскоре они шли параллельными курсами, разрезая воздушные слои, как два клинка, заточенных под разную сталь.

Первые дни полёта прошли спокойно. Эрл вёл фрегат, прислушиваясь к полю Стены, которое здесь становилось тоньше, будто растворяясь в высоте. Он видел, как меняются потоки, как они изгибаются вокруг каньонов и скал, и корректировал курс, не давая фрегату провалиться в невидимые ямы гравитации. Лира с торгового корабля подавала сигналы флажками, отмечая безопасные коридоры, и Эрл чувствовал странную слаженность: они не разговаривали, но понимали друг друга через движение кораблей.

А потом небо изменилось.

Сначала это было едва заметно: башни на горизонте начали мерцать не ровным светом, а рваными вспышками, будто их трясло изнутри. Потоки, которые ещё час назад были гладкими, как стекло, стали ломаться, дробиться на острые осколки невидимой силы. Эрл почувствовал это раньше, чем увидел: в штурвале появилась дрожь, а в сознании — резкая, колючая схема: здесь пространство сжимается, здесь рождается шторм.

— Шторм идёт, — прокричал он, хотя между кораблями было слишком далеко для обычного голоса. Но Лира услышала — или почувствовала. Она подняла сигнальный флаг: «Опасность. Гравитационный сдвиг».

Торговый корабль начал проседать. Его стабилизаторы гудели всё громче, пытаясь удержать высоту, но потоки тянули его вниз, в воронку, которая разрасталась, как трещина в льду. Молнии ещё не били, но воздух уже звенел от напряжения, и Эрл знал: через несколько минут начнётся ад.

Не раздумывая, он отдал команду на манёвр. Фрегат резко изменил курс, приближаясь к торговому судну. Он видел слабые места, видел, где крепления могут не выдержать, и знал, что единственный шанс — вытянуть корабль выше, туда, где шторм ещё не набрал силу.

— Буксир! — прокричал он команде, хотя на фрегате почти никого не было — только несколько помощников, которых он взял ради тяжёлой работы. — Готовьте трос!

Трос был толстым, сплетённым из волокон, усиленных металлическими нитями. Эрл сам проверял каждый узел, и сейчас эта работа возвращалась ему сторицей. Фрегат подошёл вплотную, покачиваясь на рваных потоках, и трос закрепили на носовой части торгового корабля.

— Тянем вверх! — скомандовал Эрл, чувствуя, как штурвал в его руках становится продолжением его собственного тела. — Держите курс на север, к чистым потокам!

Фрегат напрягся, как живое существо. Его паруса поймали ветер, а гравитационные узлы загудели, сопротивляясь давлению шторма. Торговый корабль, тяжёлый и неповоротливый, сначала не хотел подниматься, цепляясь за нисходящие потоки, как утопающий за камень. Но фрегат тянул, медленно, неумолимо, метр за метром отрывая его от надвигающейся бури.

Лира стояла на палубе торгового корабля, держась за поручни. Она не кричала, не отдавала приказы — она читала небо. И когда потоки начали сходиться в опасную спираль, она крикнула в сторону фрегата:

— Ещё выше! На полкорпуса! Иначе нас затянет!

Эрл услышал. Он не видел её, но чувствовал её слова, как чувствует инженер вибрацию металла. Он скорректировал угол, заставил фрегат подняться ещё выше, туда, где воздух становился тоньше, а небо — почти чёрным, как перед рассветом в беззвездную ночь.

И они прорвались.

Выше грозовых облаков, выше самого шторма, который бушевал внизу, разрывая небо на части, корабли оказались в полосе тишины. Здесь ветер был ровным, а потоки — спокойными, будто сама буря не могла дотянуться до этой высоты.

Торговый корабль покачивался на тросе, но уже не проседал. Эрл ослабил натяжение, давая ему возможность выровняться, и только тогда позволил себе выдохнуть. Он стоял у штурвала, чувствуя, как руки всё ещё дрожат от напряжения, а в голове крутятся схемы — не только узлов и тросов, но и чего-то большего: как устроены эти штормы, почему они рождаются именно здесь, и какую роль в этом играют гравитационные машины.

К нему подошёл один из помощников, бледный, но довольный:

— Мы сделали это, капитан.

Эрл не ответил. Он смотрел вперёд, туда, где небо становилось светлее, обещая рассвет. И в этом рассвете он видел не только путь к Кимраде, но и новые вопросы.

Чуть позже, когда корабли выровнялись и шли уже без троса, Дирек подошёл к борту торгового судна и посмотрел на фрегат. Он не кричал, не благодарил. Просто поднял руку в коротком, почти военном приветствии. Эрл кивнул в ответ.

А чуть позже к нему подошла Лира — она перебралась на фрегат по временному мостику, пока корабли шли рядом.

— Ты видел шторм раньше, чем он появился, — сказала она, глядя на него без восхищения, а с тем уважением, которое рождается из общего риска. — Ты не просто чувствуешь металл. Ты чувствуешь само небо.

— Это не я, — тихо ответил Эрл, всё ещё не в силах полностью отпустить напряжение. — Это поле Стены. Оно показывает мне слабые места.

Лира чуть улыбнулась.

— Тогда пусть оно и дальше показывает. Потому что впереди ещё много штормов. И не все они будут в небе.

Путь до Кимрады тянулся над каньонами, будто они летели не по воздуху, а по венам самой земли. Дни сменялись ночами, и каждую ночь Эрл стоял у штурвала, чувствуя, как поле Чёрной Стены становится тоньше, растворяясь в высоте, но не исчезая — оно меняло свой голос, становилось сложнее, многоголосее. Теперь оно не просто шептало о слабых местах в дереве и металле, а будто задавало вопросы, на которые Эрл пока не знал ответов.

Воздушные течения здесь были не ровными дорогами, а лабиринтами. Порой казалось, что небо само играет с кораблями: то подкидывает их вверх, то тянет вниз, заставляя искать невидимые ступени в воздухе. Лира, теперь на торговом судне Дирека, подавала сигналы — флажки, вспышки фонарей, короткие свистки. Она видела течения как узоры на воде: вот здесь поток сворачивается в петлю, вот здесь он падает, как водопад, только из чистого воздуха. Эрл доверял её знакам, потому что они совпадали с тем, что подсказывало ему поле: слабые места были не только в металле, но и в самом небе.

Однажды утром они пролетели над местом, где каньон раскрылся, как пасть чудовища. Его стены уходили вниз на такую глубину, что дна не было видно — только белёсый туман, в котором тонули все звуки. И над этой бездной висели воздушные платформы — небольшие, круглые, похожие на плоские камни, брошенные в пропасть. На них стояли маяки: тонкие шпили, увенчанные светящимися шарами. Когда корабли проходили рядом, шары вспыхивали в такт гравитационным волнам, будто переговаривались друг с другом. Эрл смотрел на них и видел не просто механизмы, а узлы огромной сети, которая держала небо на месте.

— Это перевалочные станции, — прокричала Лира, когда корабли сблизилась на короткий разговор. — Здесь меняют лоцманов, проверяют груз, пополняют запасы гравитационных кристаллов. И ещё здесь прячутся от штормов. Если бы мы не успели уйти выше, нас бы затянуло в тот провал.

Эрл кивнул. Он не любил долгих разговоров, но сейчас ему хотелось знать всё.

— Кристаллы... они часть системы?

— Да. Они не создают подъёмную силу, они её стабилизируют. Без них любой корабль здесь — просто тяжёлый кусок дерева и металла.

Он посмотрел на один из маяков, на тонкую резьбу, покрывавшую его основание. В узоре он вдруг увидел знакомые линии — такие же, как на том металлическом диске, который он нашёл у водопада. Поле Стены будто подталкивало его к этой мысли: «Смотри. Сравни. Соединяй».

Постепенно пейзаж менялся. Каньоны становились шире, их стены — более отвесными, а на плоских вершинах скал начали появляться первые признаки большого города: башни, похожие на иглы, вонзающиеся в небо, узкие мосты, перекинутые через пропасти, и крошечные фигурки людей, которые с высоты казались муравьями, спешащими по своим делам.

А потом появилась Кимрада.

Она лежала на множестве островов — не из воды, а из камня. Острова эти были вершинами скал, расщеплённых глубокими расщелинами. Между ними не текли реки — они струились на дне каньонов, тёмные, быстрые, почти невидимые с высоты. По этим каньонам и над ними двигался город: воздушные корабли скользили между башнями, как рыбы в прозрачной воде, а рядом с ними, юркие и лёгкие, сновали маленькие лодочки — не на воде, а в воздухе. Они были похожи на стрекоз: тонкие рамы, полупрозрачные паруса, и под днищем — маленькие гравитационные узлы, тихо гудевшие, когда лодка зависала над бездной.

На улицах внизу было много песка. Он лежал тонким слоем на камнях, набивался в щели, кружился в вихрях, поднимаемых спускающимися кораблями. Город казался одновременно древним и собранным заново: старые стены, сложенные из грубо отёсанного камня, соседствовали с металлическими вставками, тонкими, будто кружевными. Над узкими переулками висели навесы из плотной ткани, защищавшие от солнца и от пыли. Здесь было шумно, тесно, и в этом шуме слышались сотни голосов: торговцы выкрикивали цены, дети бегали между ногами прохожих, стража в тёмных плащах и с тяжёлыми посохами, на которых мерцали гравитационные наконечники, следила за порядком.

Огромный базар раскинулся на одном из центральных островов. Его крыши были разноцветными — красные, синие, золотые, — а над ними висели фонари, которые даже днём светились тусклым светом, отзываясь на гравитационные волны. Внутри было душно, пахло специями, железом и горячим песком. Здесь торговали всем: от кристаллов для стабилизации кораблей до старых карт, на которых были отмечены забытые течения.

Но выше всего, на самом большом острове, стоял дворец падишаха. Он будто вырос из скалы, а не был построен на ней. Его башни были устремлены вверх, острые, но не готические — в них чувствовалась строгость: белые стены, украшенные тонкой резьбой, арки, переходящие одна в другую, словно бесконечная песня, и купола, покрытые золотой и бирюзовой плит-

кой. Дворец не кричал о своей власти — он заявлял о ней молча, тяжестью камня и точностью линий.

Рядом с дворцом каньон был особенно широким. Его края терялись в дымке, а над ним висел постоянный поток воздушного транспорта: тяжёлые грузовые корабли, похожие на плавающие крепости, юркие курьерские лодки, патрульные суда стражи с гравитационными гарпунами на носу. Здесь воздух был густым от движения, и Эрл чувствовал, как его фрегат слегка дрожит, подстраиваясь под ритм города.

Фрегат и торговый корабль начали снижаться, следуя за сигнальными огнями. Эрл видел, как устроены причалы: они не были просто платформами — это были узлы гравитационной сети. Металлические кольца, встроенные в камень, пульсировали в такт волнам, удерживая корабли в воздухе, не давая им упасть в каньон. Он видел слабые места: в одном из колец трещина была едва заметной, но поле подсказывало, что она растёт; в креплениях тросов нагрузка распределялась неравномерно, и если тяжёлый корабль встанет не туда, система может не выдержать.

Когда корабли наконец опустились, Эрл прыгнул на камень первым. Под ногами был песок, смешанный с каменной крошкой, и он тут же прилип к сапогам. Вокруг суетились портовые рабочие, кричали сигнальщики, звенели цепи и тросы. Но Эрл не смотрел на суету. Он смотрел на дворец, на его строгие башни и на тонкую резьбу арок, в которой ему снова мерещились знакомые линии — линии, которые он видел в своих видениях, линии, будто вырезанные не резцом мастера, а самой гравитацией.

Дирек подошёл к нему, уже не как торговец, ищущий выгоду, а как человек, который понял, что рядом с ним идёт нечто большее, чем просто умелый капитан.

— Здесь мы должны показаться падишаху, — тихо сказал он, оглядываясь на стражу, которая уже направлялась к ним. — Я доставлю груз, расскажу о спасении, о твоих способностях. И я хочу, чтобы ты был рядом. Не как мой подчинённый, а как тот, кто сделал это возможным.

Эрл покачал головой.

— Я не люблю приёмы. Я не люблю поклоны.

— А я не люблю терять деньги и головы, — спокойно ответил Дирек. — Сейчас твоя гордость может стоять нам обоим слишком дорого. Падишах не любит, когда ему противоречат. А ты... ты умеешь видеть то, что скрыто. Пусть он это увидит.

Лира подошла чуть позже, отряхивая песок с куртки.

— Он прав, — сказала она, глядя не на Дирека, а на Эрла. — Не ради него. Ради того, что ты можешь узнать там. В таких местах, как этот дворец, тайны лежат не в книгах, а в стенах. И если ты умеешь читать слабые места, ты сможешь прочитать и их.

Эрл помолчал. Он чувствовал, как город дышит гравитацией, как стены шепчут свои секреты. И он понимал: если он хочет найти ответы о Стене, о своём происхождении, о том, почему поле отзывается на его прикосновения, — ему придётся войти в этот дворец. Даже если там ему придётся склонить голову.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я пойду. Но не ради благодарности. Ради вопросов.

Дирек чуть улыбнулся — не радостно, а с облегчением.

— Этого достаточно. Для начала.

И они пошли через город, мимо базара, где запахи специй смешивались с запахом горячего металла, мимо стражи, чьи взгляды скользили по ним, оценивая, мимо маленьких воздушных лодок, которые взлетали и садились, как птицы, привыкшие к этому каменному небу.

Путь к дворцу был не просто дорогой по улицам — он был испытанием. Каждый шаг напоминал Эрлу, что он здесь чужой, что этот город живёт по своим законам. Но он шёл, потому что знал: за этими стенами, в узорах резьбы и в тишине залов, спрятаны ответы, которые он искал всю свою жизнь.

Тронный зал падишаха Сахиба был устроен так, будто сам город продолжал жить внутри дворца. Сквозь высокие стрельчатые окна лился сухой, золотистый свет, оседая на каменных плитах и превращая песок, занесённый с улиц, в крошечные искры. Воздух был неподвижен, но Эрл всё равно чувствовал в нём пульсацию — будто гравитационные машины, спрятанные где-то в толще скал, шептали свои ритмы даже сюда, в самое сердце власти.

Зал был вытянутым, с рядом колонн, уходящих вверх и теряющихся в полумраке под потолком. Колонны были украшены тонкой резьбой: не просто орнаментом, а чем-то вроде схем — линий, завитков, которые складывались в узоры, подозрительно напоминавшие те, что вспыхивали в сознании Эрла, когда он касался гравитационных узлов. Он поймал себя на том, что машинально считывает эти линии, отмечая, где нагрузка перераспределяется, где камень держит, а где — лишь притворяется надёжным.

В дальнем конце зала, на возвышении, стояли два трона. Трон падишаха был массивным, из тёмного камня, инкрустированным металлическими пластинами, которые слабо мерцали, отсылаясь на поле. Он выглядел как часть скалы, будто вырос из неё, а не был поставлен сверху. Рядом, чуть в стороне и на полступени ниже, стоял трон поменьше — из светлого дерева, покрытого тонким слоем позолоты. На нём сидела королева Айша.

Эрл заметил её не сразу. Сначала его взгляд упёрся в падишаха: суровое лицо, тёмные глаза, неподвижная поза, в которой чувствовалась не просто власть, а привычка к тому, что каждое его слово — закон. Но стоило Эрлу чуть отвести взгляд, как он наткнулся на Айшу — и время будто загнулось.

У неё были чёрные волосы, длинные, тяжёлые, они струились по плечам и почти касались пола, словно тёмная вода, застывшая в камне. Лицо её было утончённым, почти хрупким, с тонкими чертами и светлой, почти прозрачной кожей. Но глаза... глаза были чёрными и глубокими, как провалы в каньонах, и в них было столько тишины, что Эрл на мгновение забыл, где он и зачем пришёл. Её взгляд скользнул по нему — не оценивающе, не холодно, а так, будто она увидела, что-то, скрытое от всех остальных. И это пронзило его сильнее любого шторма.

На секунду ему показалось, что он знает её. Не как человека, а как часть чего-то большего — как отголосок сна, который он не мог вспомнить, или как забытую мелодию, которую вдруг снова услышал. Это чувство было одновременно родным и пугающим: будто рядом с ней он мог потерять ту самую броню, которую так старательно ковал после смерти матери.

Падишах заговорил, и голос его звучал так, будто слова высекались из камня:

— Дирек, ты доставил груз. И, как я слышал, не без приключений. Расскажи.

Дирек поклонился — не низко, но достаточно почтительно, чтобы не оскорбить, и не так низко, чтобы потерять лицо. Он начал рассказывать: про шторм, про то, как пространство сжалось, как торговый корабль начал проваливаться в гравитационную яму, и как фрегат Эрла подошёл вплотную, зацепил буксиром и вытянул их выше облаков, туда, где буря уже не могла достать.

Он говорил уверенно, не приукрашивая, но и не умаляя ни своей роли, ни роли Эрла. Когда он дошёл до момента спасения, он сделал шаг в сторону и чуть выдвинул Эрла вперёд:

— И всё это стало возможным благодаря ему. Эрл не просто капитан. Он видит слабые места — не только в корабле, но и в самом небе. Он чувствует, где пространство начнёт ломаться, раньше, чем это случится.

Падишах перевёл взгляд на Эрла. В его глазах не было благодарности — только холодный расчёт.

— Значит, ты тот, кто может видеть невидимое, — проговорил он медленно. — Это редкий дар. И редкий риск. Тот, кто видит слишком много, может однажды увидеть то, что ему не положено знать.

Эрл не поклонился. Он не собирался этого делать. Не из дерзости, а потому, что в его мире поклоны не имели смысла. Смысл был в деле, в узле, который держит, в ветре, который несёт. Но сейчас, под этим тяжёлым взглядом, он вдруг понял, что его независимость здесь может быть воспринята не как сила, а как вызов.

И тут он снова поймал на себе взгляд Айши. Она не шевелилась, не пыталась вмешаться, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на предостережение — лёгкое, едва уловимое, как тень на воде. И в этот момент Эрл осознал, что забыл поклониться. Или не забыл — просто не смог заставить себя это сделать.

— В благодарность за доставленный груз, — продолжил падишах, и в его голосе прозвучало что-то вроде формальности, которая должна была скрыть истинные намерения, — я приглашаю тебя, Дирек, и твоего спутника на ужин в моих покоях. Это честь.

Дирек снова поклонился, чуть глубже, чем в первый раз.

— Мы благодарны за милость, повелитель.

А Эрл молчал. Он смотрел не на падишаха, а куда-то чуть в сторону, будто пытался удержать равновесие между тем, что требовал этот зал, и тем, что жило внутри него.

— Я не останусь на ужин, — сказал он наконец, ровно, без вызова, но и без намёка на уступку.

В зале стало тихо. Даже стража у колонн замерла, будто боялась нарушить эту тишину. Падишах прищурился, и в этом взгляде было столько холода, что даже воздух, казалось, стал суше.

— Никто не отказывается от приглашения падишаха, — произнёс он тихо, и эта тишина делала его слова ещё опаснее. — Это не любезность. Это приказ.

Дирек сделал шаг вперёд, но не к падишаху, а к Эрлу. Он положил руку ему на плечо — не крепко, но достаточно, чтобы Эрл почувствовал вес этого жеста.

— Повелитель, — сказал Дирек спокойно, но с нажимом, — мой спутник не хотел проявить неуважение. Он человек дела, а не церемоний. Но он понимает, какую честь вы ему оказываете. И он останется.

Эрл хотел возразить, но Лира, стоявшая чуть позади, тихо, но твёрдо сказала:

— Эрл. Сейчас не время для гордости. Иногда нужно просто сесть за стол, чтобы потом иметь право встать и уйти.

Он посмотрел на неё, потом снова на Айшу. Её лицо оставалось неподвижным, но в глазах мелькнуло едва заметное одобрение — или ему так показалось. И вдруг он понял: если он сейчас сломается под этим взглядом, если покажет, что его можно согнуть одним словом, он потеряет не только лицо, но и ту самую способность слышать поле Стены. А если он останется, но не сломается — может, он сможет услышать, что-то ещё.

— Хорошо, — сказал Эрл, не глядя на падишаха, но и не отводя взгляда в сторону. — Я останусь. Но не ради чести. Ради того, чтобы понять, как устроен этот город.

Падишах чуть наклонил голову, будто принимая этот странный компромисс.

— Пусть будет так. Ты можешь не кланяться, но ты будешь слушать.

Айша чуть опустила ресницы, и на мгновение её лицо стало мягче, будто она выдохнула. И Эрл снова почувствовал это странное, пронзительное чувство: будто между ними протянулась тонкая, невидимая нить, которую никто, кроме них двоих, не мог ощутить.

Так Эрл впервые столкнулся с настоящей властью этого мира — не с бурей, которую можно перелететь, а с силой, которая держала людей в узде не гравитацией, а словами. И впервые в жизни он почувствовал, что его броня дала трещину — не от боли, а от чего-то совсем другого.

После приёма зал быстро опустел: стража заняла привычные посты, слуги бесшумно унесли тяжёлые подсвечники, а тяжёлые портьеры, расшитые золотыми нитями, приглушили

уличный шум, будто отрезав дворец от остального города. Сахиб не пошёл сразу в покои — он остановился у высокого стрельчатого окна, глядя, как над каньоном ступают сумерки и как воздушные лодки зажигают сигнальные огни, похожие на рой светлячков.

Айша шла чуть позади, не торопясь, будто боялась нарушить эту тишину своим шагом. Её лёгкие сандалии почти не шуршали по каменным плитам, а длинная накидка из тонкой ткани ловила отсветы фонарей и делала её похожей на тень, которая научилась говорить.

Когда они оказались в частных покоях — в небольшой комнате с низким потолком и стенами, украшенными мозаикой из бирюзовых и тёмно-синих плиток, — Сахиб наконец повернулся к ней. Но не как к жене, а как к ещё одному звену в цепи своих обязанностей.

— Ты держалась достойно, — произнёс он ровно, без похвалы и без упрёка. — Сегодня было важно показать единство двора. Особенно перед этим чужаком с его странным даром.

Айша чуть склонила голову, принимая эти скупые слова как монету, которой едва хватает, чтобы купить глоток воды в пустыне.

— Спасибо, повелитель, — тихо ответила она, хотя в этом «повелитель» звучало не почтение, а горькая привычка.

Сахиб прошёл к резному столу, на котором лежали свитки с отчётами, и развернул один из них. Его пальцы двигались уверенно, привычно, будто чтение отчётов было единственным языком, на котором он умел говорить свободно.

— В восточной части каньона снова сбои в работе гравитационных маяков, — пробормотал он, скорее себе, чем ей. — Если течение сместится хотя бы на полградуса, грузовые маршруты придётся менять. А это потери. Большие потери.

Айша сделала ещё один шаг вперёд, но не к столу, а так, чтобы оказаться в полосе света от настенного светильника. В этом свете её лицо казалось ещё бледнее, а глаза — ещё темнее.

— Сахиб... — она произнесла его имя не как титул, а как просьбу о близости, которую он никогда не давал. — Ты обещал. Ты обещал, что сегодня придёшь в мой сад. Я хотела показать тебе новые цветы — те, что распускаются только в сумерках. Они пахнут так, будто в них спрятан весь вечер. И Али... он спрашивал про тебя. Он хотел, чтобы ты посмотрел на его маленькую модель воздушного корабля. Он сам вырезал паруса из тончайшей ткани.

Сахиб на мгновение замер. Не потому, что слова её ранили — он просто не знал, что с ними делать. Чувства были для него как гравитационные аномалии: опасные, непредсказуемые, способные сломать любой расчёт. Его учили с детства: любовь — это слабость, потому что она заставляет принимать решения не умом, а сердцем. А сердце не умеет считать риски.

— Сейчас не время, — сказал он, не поднимая глаз от свитка. — Эти маяки... если мы не стабилизируем их сегодня, завтра придётся объяснять караванам, почему их корабли падают не туда. Это не просто деньги. Это доверие. А доверие — единственная валюта, которая держит Кимраду на месте.

Айша стояла неподвижно, но в её позе что-то неуловимо изменилось. Будто ветер, который только что шевелил край её накидки, вдруг стих, и ткань повисла тяжёлой, безжизненной волной. Она не спорила, не повышала голоса — она просто становилась тише, словно пыталась уместиться в ту узкую щель, которую он оставлял для неё в своей жизни.

— Я понимаю, — сказала она, и в этих словах не было обиды, только усталость, похожая на песок, который день за днём засыпает следы на камнях. — Долг важнее. Всегда важнее.

Он наконец поднял взгляд, но не на её лицо, а куда-то чуть выше, будто смотрел не на неё, а на узор в мозаике над её головой.

— Не говори так, будто это упрёк. Я делаю это не для себя. Я делаю это для всех. Для города. Для Али тоже.

— Для Али... — она чуть улыбнулась, но улыбка вышла хрупкой, как тонкий лёд на воде. — Он не просит отчётов о маяках. Он просит отца. Просто посидеть рядом. Посмотреть на маленький корабль. Послушать, как он рассказывает, будто знает всё про воздушные течения.

Сахиб сжал губы. Ему было неловко от этих слов, как бывает неловко человеку, который привык носить тяжёлые доспехи и вдруг обнаруживает, что под ними — тонкая, уязвимая кожа.

— Завтра, — сказал он, будто бросал монету в чашу для милостыни, надеясь, что этого хватит. — Завтра я найду время.

Айша покачала головой, не зло, а с той тихой горечью, которая приходит, когда привыкаешь к обещаниям, которые никогда не исполняются.

— Ты всегда говоришь «завтра». А сегодня... сегодня ты мог бы просто побыть с нами. Просто как человек, а не как падишах.

В комнате повисла тишина. Даже далёкий гул города, проникавший сквозь стены, казался сейчас чем-то чужим, далёким, не имеющим к ним отношения. Сахиб отложил свиток. Он не хотел чувствовать эту тишину, потому что в ней звучали слова, которых он не умел произносить.

— Хорошо, — произнёс он наконец, коротко, будто рубил верёвку, которую не хотел держать. — Я приду. Сейчас. На полчаса. Пока не зажгут ночные огни.

Айша не бросилась к нему, не обняла, даже не улыбнулась широко. Она просто чуть расправила плечи, будто сбросила с них невидимый груз.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Али будет счастлив.

Они шли по дворцу, и шаги их звучали по-разному: его — чётко, тяжело, будто он прокладывал дорогу, которую потом должны будут запомнить другие; её — тихо, почти неслышно, как шелест сухих лепестков.

Сад Айши был устроен на узкой террасе, выступавшей над одним из боковых каньонов. Здесь росли цветы, которым хватало нескольких горстей земли и редких струй воды, подаваемых по тонким глиняным трубам. Некоторые из них раскрывались только в сумерках, и сейчас их лепестки казались крошечными фонариками, освещающими маленький мир, который она создала.

Али выбежал им навстречу, маленький, быстрый, в свободной тунике, которая развевалась, как парус. В руках он сжимал деревянную модель корабля — грубоватую, но с любовью сделанную: с парусами, мачтой и даже крошечными гравитационными узлами, вырезанными из тёмного камня.

— Отец! — крикнул он, и в этом крике было столько радости, что даже суровое лицо Сахиба дрогнуло, будто кто-то провёл по нему тёплой ладонью. — Смотри! Я сделал его сам! Он может летать! Ну, почти!

Сахиб остановился, не зная, что делать с этим порывом. Он привык к докладам, к картам, к холодным расчётам. А тут был ребёнок, который хотел просто показать свой корабль.

— Покажи, — сказал он, и голос его прозвучал непривычно мягко, почти неуверенно.

Али подбежал, протянул модель, и Сахиб взял её осторожно, будто боялся сломать. Он повертел её в руках, увидел неровные стыки, слишком тяжёлые паруса, узел, который никогда не удержит корабль в сильном течении. И вдруг в нём проснулось что-то забытое: желание не исправлять, а просто смотреть.

— Хороший корабль, — произнёс он, и эти простые слова прозвучали в его устах как редкий дар. — Ты сам придумал узлы?

Али кивнул, сияя.

— Да! Я смотрел, как большие корабли садятся в порту. И я понял, что если сделать вот так... — он показал пальцем на стык, — то корабль не будет трясти.

Сахиб посмотрел на сына, потом на Айшу, которая стояла чуть в стороне, и в её глазах светилось то, чего он почти никогда не видел: не покорность, а тихое счастье. И на мгновение он почувствовал, как холод, который столько лет сковывал его изнутри, чуть отступил.

Но это мгновение было коротким. Где-то внизу, в глубине дворца, прозвучал сигнал — не громкий, но настойчивый: один из маяков снова дал сбой. Сахиб вздрогнул, будто его вернули из чужого сна в реальность, где его ждали не цветы и не детские кораблики, а ответственность, которая не умела ждать.

— Мне нужно идти, — сказал он, возвращая Али модель. Голос его снова стал ровным, холодным, привычным. — Прости. Дела не терпят.

Али не успел даже расстроиться — он просто кивнул, как будто уже привык, что отец всегда уходит.

— Ничего, отец. Я ещё сделаю. Сделаю лучше!

Айша не сказала ни слова. Она просто подошла к Али, обняла его, и в этом объятии было столько тепла, что оно должно было бы согреть весь сад. Но Сахиб этого не заметил. Он уже шёл прочь, туда, где его ждали отчёты, карты и холодные цифры, которые он понимал лучше, чем любые чувства.

А Айша смотрела ему вслед, и в её взгляде не было ни гнева, ни упрёка. Только тихая печаль, похожая на сумерки, которые медленно накрывали сад, пряча цветы в темноте.

Ужин в покоях падишаха был устроен с той нарочитой роскошью, которая должна была ослеплять и подавлять. Столы ломились от яств: на серебряных блюдах лежали жареные птицы с пряными травами, тонкие лепёшки, дымящиеся горшочки с тушёным мясом, миски с фруктами, привезёнными из дальних земель, где не знали засухи. Кубки из резного хрусталя наполняли терпким вином, а в маленьких фарфоровых чашечках дымился густой пряный напиток, от которого воздух становился тяжёлым и сладким.

Этот блеск и изобилие казались почти насмешкой над тем, что творилось за стенами дворца. Контраст между этим пиршеством и нищетой города резал глаз, как острый край скалы.

Дирек ел с аппетитом, ловко поддерживая разговор, то и дело бросая на Эрла короткие взгляды — будто проверял, держится ли тот, не дрогнет ли под тяжестью чужой роскоши. Айша почти ничего не ела: она лишь изредка касалась края бокала, а её взгляд то и дело возвращался к сыну. Али, напротив, смотрел на всё это широко раскрытыми глазами, будто боялся пропустить хоть мгновение этого странного, сверкающего мира.

Падишах почти не участвовал в беседе. Он сидел неподвижно, как высеченный из камня, и время от времени коротко кивал, принимая отчёты Дирека о торговых маршрутах и состоянии груза. Но Эрл чувствовал: падишах не просто слушает. Он изучает. Примеривает.

Когда слуги убрали последние блюда и в зале стало тише, падишах наконец заговорил, обращаясь прямо к Эрлу:

— Я слышал, ты видишь слабые места. Видишь, где металл устал, где камень врёт, где пространство готово сломаться. Это редкий дар. И я хочу, чтобы ты применил его здесь.

Эрл чуть приподнял бровь, но не поклонился, не склонил головы.

— Где именно?

— В городе. Нам нужен водопровод. Не эти жалкие трубы и верёвки, по которым воду тянут из каньона, теряя половину по дороге. Мне нужна система: трубы, насосы, механизмы, которые смогут качать воду с глубины и подавать её в каждый квартал. Ты построишь её.

В зале повисла тишина. Даже Дирек замер, будто почувствовал, как воздух стал тяжелее.

— Я не строитель, — спокойно ответил Эрл. — Я капитан. Я чувствую потоки, но не кладу камни и не кую трубы.

Сахиб чуть наклонил голову, и в этом движении не было гнева — пока. Была холодная уверенность человека, привыкшего, что его слово — закон.

— Ты чувствуешь потоки. А гравитационные машины, которые держат наш город, тоже работают на потоках. Ты поймёшь, как заставить воду идти туда, куда нужно. Ты останешься. И построишь.

Эрл покачал головой.

— Прости, повелитель, но я не могу. У меня есть свои цели. Мне нужно искать ответы, и искать их в небе, а не в земле. Здесь я чужой.

Лицо Сахиба потемнело. Он не повысил голоса, но в его тишине было больше угрозы, чем в любом крике.

— Ты забываешься, чужеземец. Я не прошу. Я приказываю. Ты останешься и сделаешь то, что я сказал. Иначе...

Он сделал паузу, давая словам обрести вес.

— Иначе ты узнаешь, что значит прогневить падишаха. И поверь, смертная казнь — самая лёгкая из тех бед, что могут обрушиться на тебя и на всех, кто тебе дорог.

Дирек побледнел и хотел было что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Али сжался на своём месте, будто хотел стать маленьким и незаметным. Айша тихо выдохнула, и этот тихий звук прозвучал в зале громче любого возгласа.

Она встала. Не резко, а плавно, будто вода, которая нашла себе путь между камнями. Её длинная накидка скользнула по полу, а чёрные волосы легли тяжёлой волной на плечи. Она не смотрела на мужа — она смотрела на Эрла. И в её голосе, когда она заговорила, не было ни мольбы, ни слёз, ни слабости. В нём была спокойная сила, которая завораживала и заставляла слушать.

— Послушай меня, Эрл, — сказала она мягко, спокойно, вкрадчиво, как говорят со старым другом, которому доверяют самое важное. — Ты видишь слабые места, да. Но ты видишь и силу. Ты видишь, где металл держит, где камень служит, где поток может стать спасением.

Она сделала ещё один шаг, и свет от фонарей лёг на её лицо, делая его почти прозрачным.

— Сейчас город погибает без воды. Каждый день люди умирают под палящим солнцем, потому что у них нет даже глотка. Мы поднимаем воду из каньона в бочках — день и ночь, по каплям. Её раздают по крупицам, как величайшее сокровище. И это не роскошь, не прихоть — это жизнь. Если ты можешь сделать так, чтобы вода шла сама, чтобы она текла туда, где её ждут, ты спасёшь тысячи жизней.

Её голос не дрожал. Он был ровным, уверенным, и в нём было столько тепла, что Эрл вдруг почувствовал, как его собственная броня дала трещину — не от страха, а от чего-то совсем другого.

— Я не прошу тебя остаться навсегда, — продолжала Айша, и в её глазах было столько света, что он не мог отвести взгляда. — Только на время. Пока ты не построишь эту систему. А потом... потом ты сможешь улететь куда захочешь. К своим ответам. К своему небу.

Эрл молчал. Он смотрел не на неё, а будто сквозь неё — на город, на узкие улицы, на оборванцев, которые тащат тяжёлые бочки, на детей, пьющих воду так, будто это самое драгоценное, что есть в мире. Он видел эти трещины не в металле, а в самой жизни Кимрады. И понимал: если он может их залатать, он должен это сделать.

— Хорошо, — наконец сказал он тихо, но твёрдо, так, что все в зале услышали. — Я помогу. Я построю эту систему. Но не ради золота. И не ради приказов. Ради тех, кто пьёт воду по капле.

Сахиб откинулся на спинку кресла. Его лицо оставалось холодным, но в глазах мелькнуло удовлетворение — не от доброты, а от того, что всё идёт по его воле.

— Отлично. Ты получишь всё, что нужно: мастеров, материалы, чертежи. И будешь отчитываться лично мне.

Айша чуть опустила ресницы, и на мгновение её лицо стало мягче. Она не улыбнулась, но Эрл понял: она благодарна.

А Али, сидевший всё это время тихо, вдруг тихо прошептал:

— Значит, ты останешься... хоть ненадолго.

Эрл посмотрел на него и чуть кивнул.

— Ненадолго. Но пока я здесь, я научу тебя видеть потоки. Не только в небе. И в воде тоже.

Мальчик улыбнулся, и эта улыбка была светлее всех фонарей в зале.

После того как слуги убрали остатки роскошного ужина и зал опустел, тишина в покоях падишаха стала тяжёлой, будто пропитанной золотом и пряностями, которые теперь казались горькими. Сахиб не ушёл сразу — он остался стоять у высокого окна, глядя, как над каньоном гаснут огни воздушных лодок и как тьма медленно накрывает город.

Айша задержалась у дверей, будто надеялась, что он скажет хоть слово не о делах, а о ней. Но Сахиб повернулся к ней не с благодарностью, а с холодом, который был страшнее любого крика.

— Ты вмешалась, — произнёс он тихо, и от этой тишины становилось только страшнее. — Ты нарушила порядок. Женщина не должна вмешиваться в дела мужчин. Будь то простолюдинка или королева — закон один.

Айша выпрямилась. В её осанке не было дерзости, но и покорности тоже не было. Она смотрела на него прямо, как смотрела бы на любого, кто бросает ей вызов.

— Я не просто женщина, Сахиб. Я королева. По крови. Мой отец был падишахом, а ты до нашего брака был лишь советником. И если я вижу, что гордыня и гнев могут лишить город единственного шанса на спасение, я имею право говорить.

Сахиб резко шагнул вперёд, но не ударил, не закричал — он просто встал так близко, что Айша почувствовала его дыхание, холодное и ровное, как ветер над пропастью.

— Не напоминай мне о том, кем я был, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько льда, что даже воздух вокруг, казалось, стал тоньше. — Я стал тем, кто я есть, не благодаря твоему отцу, а вопреки всему, что мешало мне править. И я не позволю никому ставить под сомнение мою власть. Даже тебе.

— Ты не позволил бы ей быть под сомнением, если бы чужеземец послушал тебя с первого слова, — тихо, но твёрдо ответила Айша. — А он не послушал. И ты не смог его заставить. И тогда я сделала то, что должна была сделать: спасла твою гордость, пока она не лишила нас шанса избавить город от страданий.

Сахиб отступил на шаг, будто её слова обожгли его.

— Спасла? — он горько усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого гнева. — Ты выставила меня слабым. Ты показала, что падишах Кимрады не может приказать, а его жена должна умолять. Это не спасение. Это позор.

Айша сжала пальцы в кулаки, но не опустила глаз.

— Позор — это когда люди умирают от жажды, а мы спорим о гордости. Позор — когда в городе, где каждый глоток воды на вес золота, мы не можем найти способ дать её тем, кто в ней нуждается. Эрл может это сделать. И если для того, чтобы он согласился, мне пришлось сказать несколько слов — пусть это будет моим грехом. Но не называй это позором.

Сахиб отвернулся, снова глядя в окно, туда, где тьма уже поглотила последние огни.

— Твой грех будет стоить тебе многого, — проговорил он глухо. — Ты забыла своё место. Ты забыла, что власть в этом городе принадлежит мужчинам. Только мужчинам. Твой отец был последним, кто передал трон по крови. А я получил его не по наследству, а по праву силы и расчёта. И я не допущу, чтобы женщина, пусть даже королева, решала за меня, как мне править.

— Как жаль, что я не родилась мужчиной! — воскликнула Айша, и голос её вдруг стал тихим, почти безжизненным, как шелест сухих листьев на ветру. — Что я не могу носить титул падишаха, не могу отдавать приказы, не могу быть той, кто спасает город.

Сахиб помолчал, а потом произнёс ровно, без тени сожаления, как констатируют факт вроде «сегодня пасмурно» или «в каньоне поднялся ветер»:

— Здесь не о чем жалеть. Просто так устроен мир. Тебе не повезло родиться мужчиной — я знаю, бывает. Зато повезло мне. И потому править буду я. Не потому что я лучше, а потому что таков закон. И этот закон должен быть нерушим. Чтобы ни у кого и тени сомнения не возникло в том, кто здесь держит власть.

Айша чуть наклонила голову, будто принимая удар, который не оставляет синяков, но ломает что-то внутри.

— Закон не пьёт воду и не спасает детей от жары, — сказала она тихо. — Он просто стоит, как эти стены, и смотрит, как всё рушится.

— А я не позволю рушиться, — холодно ответил Сахиб, и в его голосе не было ни вызова, ни страсти — только спокойная уверенность человека, который давно привык, что его слово — единственный якорь в этом городе. — Но не ценой своей власти. Власть — это тоже щит. И если его ослабить хоть на миг, город падёт быстрее любой засухи.

Она хотела ещё что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула — не в знак согласия, а чтобы показать, что услышала. Услышала и поняла: здесь не будет ни благодарности, ни тепла, ни даже простого «ты сделала нужное дело». Здесь есть только закон, долг и холод, который она должна терпеть, потому что родилась не той, кем могла бы быть.

— Тогда я пойду к Али, — проговорила она, уже не глядя на Сахиба. — Он ждёт. И ему не нужны законы. Ему нужно, чтобы кто-то просто посидел рядом.

— Иди, — коротко бросил Сахиб, снова поворачиваясь к окну, будто разговор был окончен, как закрывается тяжёлая дверь, отсекая шум улицы. — Но помни: больше не смей вмешиваться. В следующий раз я не стану искать оправданий.

Айша вышла, не хлопнув дверью — она никогда не хлопала дверьми. Просто шагнула в коридор, и тишина последовала за ней, как тень.

А в детской Али уже почти уснул, прижимая к себе свой маленький кораблик. Ему снилось, что он летит над каньонами, а рядом с ним стоит Эрл и спокойно говорит: «Смотри на потоки. Не на ветер. На то, что скрыто». И в этом сне не было ни холода, ни упрёков, ни законов, которые заставляют молчать тех, кто хочет говорить правду.

Сахиб не вернулся в главный зал и не пошёл в кабинет с картами и отчётами. Вместо этого он спустился по узкой боковой лестнице, где факелы горели тускло, а тени ложились на стены тяжёлыми складками, будто сам дворец прятал этот путь от лишних глаз. Он шёл туда, где тишина не требовала от него быть правителем.

Комната Заины была маленькой и простой: низкий топчан, сундук из тёмного дерева, на стене — простой тканый узор без золота и драгоценных камней. Здесь не было показной роскоши, не было и той холодной строгости, что царила в его собственных покоях. И главное — здесь не было упрёков.

Заина сидела на краю топчана, опустив руки на колени. Она не вскочила, не бросилась кланяться — просто подняла глаза, спокойные, чуть усталые, и чуть склонила голову. В её взгляде не было ни любопытства, ни желания что-то доказать. Только готовность слушать и делать то, что скажут.

— Ты не спишь, — произнёс Сахиб, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Я ждала, — просто ответила она. — Если тебе нужно было прийти.

Он прошёл вперёд, остановился у окна, где сквозь тонкую ткань занавески пробивался слабый свет далёких фонарей, и выдохнул — первый раз за вечер так, будто сбрасывал с плеч тяжёлую броню.

— Сегодня Айша перешла черту, — сказал он ровно, без надрыва, просто выкладывая перед ней камень, который давил на грудь. — Она вмешалась в мой разговор с чужеземцем. Выставила меня слабым. Будто я не могу заставить человека подчиниться, и нужна женская мольба, чтобы удержать власть.

Заина не покачала головой, не всплеснула руками. Она просто слушала, как слушают те, кто привык, что чужие беды не требуют ответа — только присутствия.

— Она хотела спасти город, — наконец тихо сказала она, но не как оправдание, а как констатация, почти безразличная.

— Она хотела спасти мою гордость, — поправил Сахиб жёстко. — А гордость — это не слабость, которую можно подлатать парой тёплых слов. Это щит. Если его пробить, город почувствует запах крови. И тогда не поможет ни золото, ни законы.

Заина чуть наклонила голову, будто примеряя на себя эту тяжесть.

— Будь я королевой, — проговорила она спокойно, почти буднично, и в её голосе не было мечты или зависти — только холодный расчёт, который Сахибу был так близок, — я бы не стала уговаривать. Я бы бросила этого чужеземца в нижние камеры. Там, где сырость въедается в кости, а свет не бывает дольше мгновения. Я бы мучила его до тех пор, пока он не согласился бы. И он бы согласился. Все соглашались, когда боль становится единственным языком, который они понимают.

Сахиб чуть улыбнулся — не радостно, а с облегчением, как человек, который наконец услышал то, что хотел: простую, безжалостную логику, в которой нет места чувствам.

— Да, — тихо произнёс он. — Так было бы проще. Так было бы правильно. Власть не должна просить. Она должна заставлять. И страх — самый надёжный цемент для стен города.

— Именно так, — кивнула Заина, и в этом кивке не было лести, а была спокойная уверенность человека, который знает, что его место — быть опорой для чужой силы.

Сахиб подошёл ближе, сел на край сундука, оперся локтями о колени. Впервые за вечер он позволил себе выглядеть не как падишах, а как человек, уставший от необходимости всё время быть твёрдым.

— Но она не ты, — проговорил он, имея в виду Айшу, но не называя её имени, будто само имя сейчас было ему неприятно. — Она другая. Она верит, что можно спасти город добрыми словами и взглядом, который заставляет людей забывать, что они боятся. Народ её любит. Её отец был падишахом, и для них она — кровь той старой эпохи, когда власть ещё казалась чем-то благородным. Если с ней что-то случится... если я просто покажу, что она лишняя... они поднимут бунт. Не ради справедливости. Ради привычки любить её.

Заина помолчала, будто взвешивая эти слова, как взвешивают камни, чтобы построить стену.

— Значит, её нельзя тронуть, — сказала она спокойно. — Но это не значит, что нельзя править. Можно править так, чтобы её доброта была просто тенью на стенах дворца. Красивой, но бесполезной. Пусть она говорит, пусть умоляет. А ты будешь делать то, что нужно.

Он кивнул, принимая эту простоту как дар. Здесь не нужно было ничего объяснять. Здесь не нужно было оправдываться.

Тишина в комнате стала другой — не пустой, а густой, будто воздух сам потяжелел. Сахиб провёл ладонью по лицу, стирая усталость, и посмотрел на Заину. В её спокойствии, в её готовности не спорить, не искать оправданий, а просто принимать его волю, было что-то, что действовало на него как крепкий напиток: снимало напряжение, возвращало ощущение контроля.

Не говоря ни слова, он протянул руку. Не грубо, но и не как просьбу — как действие, в котором не может быть отказа.

Заина встала, подошла и села рядом, не касаясь его, но достаточно близко, чтобы он чувствовал её присутствие. Она не пыталась его утешить, не пыталась ничего обещать. Просто была здесь, спокойная, предсказуемая, надёжная.

Их близость была не про страсть и не про нежность. Она была про то, как двое людей, каждый по-своему, сбрасывают с себя тяжесть дня: он — чтобы снова стать тем, кто отдаёт приказы и не сомневается; она — чтобы быть нужной именно такой, какая она есть. В этом не было ни любви, ни игры, ни обмана — только взаимная польза и понимание ролей.

Когда всё закончилось, Сахиб откинулся на спину, глядя в тёмный потолок, где тени от фонаря медленно ползли, как живые. Он чувствовал, как к нему возвращается привычная твёрдость. Теперь он снова мог думать о чертежах, о мастерах, о том, как заставить чужеземца работать на город.

Заина легла рядом, но не прижималась к нему. Она знала своё место. Знала, что ему не нужно тепло. Ему нужна тишина и уверенность.

— Завтра я встречусь с мастерами, — сказал он уже другим голосом — жёстким, деловым, привычным. — Мы подготовим чертежи для водопровода. Пусть чужеземец думает, что он делает это по своей воле. Пусть Айша думает, что это её заслуга. А правда будет в том, что всё идёт так, как я решил.

Заина чуть повернула голову, глядя на него в полумраке.

— Как скажешь, повелитель.

Он задержался на пороге, будто хотел сказать что-то ещё, но слова не находились. Вместо этого он просто кивнул и вышел, оставляя за собой тишину, которая здесь не была враждебной — а была просто местом, где можно было дышать.

А в своих покоях Айша не зажигала лишних огней. Она сидела у окна, глядя, как над каньоном медленно светлеет небо, и думала не о власти, не о законах, а о том, как сегодня Али прижимал к себе свой кораблик и как в его глазах загорался свет при одном упоминании полёта. Ей хотелось верить, что мир можно менять не страхом, не тюрьмами и не болью, а маленьким теплом, которое передаётся от человека к человеку. Но холодный воздух, тянувший из щели в каменной кладке, напоминал, что её вера — это не щит, а всего лишь тонкая ткань, которая едва ли удержит бурю.

Глава 2

Ночь в дворце Кимрады была не просто отсутствием света — она была густой, плотной, будто сама тьма здесь имела вес и оседала на плечах, как пепел. В личных покоях Сахиба горели только три масляные лампы, да и те стояли так, чтобы отбрасывать тени в углы, а не разгонять их. Падишах сидел в низком кресле из чёрного дерева, не в парадном облачении, а в простой тёмной накидке, и смотрел на посох Джамаль — на тот самый, чьё навершие отливало странным, неживым блеском, будто в камне застыла тьма, которая хотела вырваться наружу.

Джамаль стоял напротив, чуть склонив голову, но в этом поклоне не было покорности. Его бледная кожа в полумраке казалась почти прозрачной, а глубоко посаженные глаза ловили малейший отсвет, чтобы тут же его поглотить.

— Ты не спишь, — произнёс Сахиб ровно, без удивления.

— Сон — это роскошь, которую я не могу себе позволить, — ответил Джамаль, голос его звучал так, будто слова рождались где-то глубоко в груди и поднимались медленно, с усилием, как вода из пересохшего колодца. — Пока город балансирует на грани, я должен бодрствовать.

— И что же ты бодрствуешь ради? — Сахиб не скрывал раздражения, но и не повышал голоса: он умел держать ярость внутри, где она становилась холоднее и опаснее.

— Ради истины, повелитель, — спокойно ответил Джамаль и постучал посохом по полу. Звук вышел сухим, резким, будто не дерево ударилось о камень, а сама тишина треснула. — Ради того, чтобы мы перестали бояться не того, чего следует.

— Говори прямо.

Джамаль сделал шаг вперёд, но не пересёк границу, за которой начиналась дерзость.

— Мы боимся того, что за стеной. Мы думаем, будто там хаос, тьма, разрушение. Будто стена — это дамба, удерживающая бездну. Но это ошибка. Пустота не снаружи. Она внутри самой стены. Стена — не преграда, она — источник. Её холод, её чернота — это не защита, это яд. Она понемногу отравляет континент, просачиваясь в трещины, в потоки, в саму ткань пространства.

Сахиб прищурился.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что за ней.

— Я знаю, что мы чувствуем, — возразил Джамаль твёрдо. — Мы чувствуем её холод. Чувствуем, как от неё веет отсутствием всего — будто рядом с ней само время замирает. Это не защита. Это рана в мире. И через эту рану в нас проникает пустота. Разрушив стену, мы устраним источник заражения.

— Или впустим хаос, — холодно произнёс Сахиб. — Я не верю в твои толкования. Я верю в предания. В законы. В то, что стена удерживает равновесие, а за ней — лишь тьма и разрушение. А ты предлагаешь разрушить опору мира на основании своих видений.

— На основании фактов, — настаивал Джамаль. — Трещины ползут по континенту. Навигационные башни выходят из строя. Вода уходит из земли. Это не случайность. Это стена разрушает нас изнутри.

— А может, это последствия того, что мы вообще начали об этом думать, — Сахиб подался вперёд, и в его голосе зазвучала сталь. — Может, стоит прекратить эти разговоры, пока они не посеяли панику.

— Тогда хотя бы прислушайтесь к разуму, — Джамаль чуть наклонил голову, будто смиряясь, но взгляд его оставался острым, как лезвие. — Есть тот, кто может помочь нам понять природу стены. Эрл.

Имя прозвучало в тишине, как удар колокола. Сахиб нахмурился.

— Чужеземец? Тот, кто едва согласился построить водопровод? Ты хочешь, чтобы я доверил судьбу мира человеку, который только-только появился в городе, а ему уже приписывают

способности чуть ли не бога? Пусть сначала справится с водопроводом. Пусть докажет, что способен на простое, прежде чем мы посвятим его в тайны, касающиеся стены. А до тех пор — ни слова о стене. Ни намёка. Ты понял?

Джамаль склонил голову, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение — будто именно этого сопротивления он и добивался.

— Как прикажете, повелитель.

Когда визирь вышел, Сахиб снова подошёл к окну и долго стоял, вглядываясь в темноту, будто надеялся увидеть там не просто ночь, а подтверждение своей правоты.

А где-то в глубине дворца, в узкой комнате, куда почти не проникал свет, Заина сидела на краю топчана и смотрела на тонкую полоску лунного света, ползущую по полу. Дверь приоткрылась, и в проёме появился Джамаль. Его посох постучал по полу, и звук этот был ей знаком — он всегда означал, что сейчас начнётся игра, в которой нельзя показывать слабость.

— Он сомневается, — проговорил Джамаль, не глядя на неё, будто обращался не к женщине, а к самой темноте комнаты. — Но сомнение — это уже трещина. Через неё можно пробраться.

Заина чуть наклонила голову.

— Значит, ты добился своего.

— Пока лишь первого шага, — усмехнулся он, и в этой усмешке не было ни радости, ни тепла. — Дальше будет сложнее. Но у меня есть союзники. Те, кто не верит в сказки о стене.

— И что ты будешь делать, когда он согласится? — спросила Заина спокойно.

— То, что должен, — коротко бросил Джамаль. — А ты? Ты ведь тоже хочешь своего места в новом мире.

Заина не ответила сразу. Она смотрела на него так, будто видела не визиря, а лишь тень, скользящую по стенам.

— Моё место там, где я могу быть полезной, — сказала она наконец.

— Полезной, — повторил Джамаль с едва уловимой насмешливостью, будто это слово было слишком мягким для того, о чём он собирался сказать. — Ты полезна ему как безмолвная вещь. Как та, кто не задаёт вопросов. Кто не требует ответов. Кто просто есть, когда ему нужно. Сахиб пользуется твоей покорностью, твоей доступностью. Он не видит в тебе союзника. Для него ты — удобство. И однажды ты поймёшь это, когда будет уже поздно: когда он выпьет всю твою молодость и свежесть, а потом просто перестанет замечать тебя.

Заина не вздрогнула. Лицо её осталось спокойным, будто эти слова не задевали её, а были лишь очередным ветром, который проносится мимо и не оставляет следа.

— Откуда такая уверенность? — спросила она ровно.

— Потому что я вижу, как он смотрит на людей, — ответил Джамаль без тени сомнения. — На тебя он смотрит, как на предмет обстановки. А я предлагаю тебе иное. Не быть предметом. Быть союзником. Полноправным. Не тенью, не постелью правителя, а той, чьё слово имеет вес.

Она чуть наклонила голову, будто взвешивая его слова, как взвешивают камни на весах.

— Что ты хочешь взамен?

— Твоего влияния, — прямо сказал Джамаль, впервые не пытаясь прикрыть свои намерения красивыми словами. — Ты ближе к нему, чем кто-либо. Он доверяет тебе, потому что считает тебя безопасной. Пусть это доверие работает на нас. Мне не нужно, чтобы ты шпионила. Мне нужно, чтобы ты медленно и верно убеждала его в том, что мои идеи верны. Подталкивай его к нужным мыслям, не вызывая подозрений. Пусть он сам придёт к выводу, что я прав.

Заина помолчала, будто прислушиваясь к себе, к тому, как внутри неё борются осторожность и желание наконец стать кем-то большим.

— Ты хочешь использовать меня, чтобы добраться до трона.

— Хочу, — спокойно признал Джамаль. — Но я не стану делать вид, будто это не так. И я не стану обещать тебе любовь. Я обещаю власть. Если ты будешь моим верным союзником, ты получишь место, которого достойна.

Она медленно кивнула, не потому, что поверила, а потому, что поняла: сейчас это единственный путь, который даёт ей хоть какую-то возможность влиять на свою судьбу.

— Что я должна сделать первой?

— Ничего явного, — проговорил Джамаль тихо, почти шёпотом, будто боялся, что стены услышат. — Просто не мешай. И когда он заговорит о стене, не позволяй ему отметить мои слова сразу. Пусть сомнение останется. Пусть оно растёт.

Заина снова кивнула, сохраняя на лице маску покорности, за которой пряталась холодная решимость человека, который знает: чтобы получить место под солнцем, иногда приходится договариваться с тьмой.

В духане было шумно, но в углу, где сидели Дирек, Эрл и Лира, шум будто обтекал их, как вода обтекает скалу. В воздухе висел густой запах хмеля, жареного мяса и дыма, а над столом клубился пар от кружек с тёмным пивом. Пламя лампы дрожало, отбрасывая на лица неровные тени — то делая их старше, то, наоборот, возвращая мальчишескую резкость черт.

Дирек сжимал кружку так, что побелели костяшки пальцев. В его глазах металось что-то лихорадочное: смесь удовлетворения и раздражения. Он провёл ладонью по щетине, будто хотел стереть с лица эту двойственность, но она не стиралась.

— Я угодил падишаху, — проговорил он, почти не разжимая зубов. — Получил солидную прибыль. И это хорошо. Это очень хорошо. Но знаешь, что ещё я получил? Право жить ещё один день. И ты, и Лира — тоже. Всё по закону. Сахиб не тиран, он справедливый правитель. А справедливый правитель казнит того, кто переступил черту. И никто не скажет, что он был неправ. Даже мальчишка на улице кивнёт и скажет: «Так и надо».

Он резко поставил кружку, и пиво плеснуло через край.

— Ты понимаешь, с кем имеешь дело, Эрл? Сахиб правит огромной страной железной рукой, и эта рука не дрожит. Ему ничего не стоит уничтожить человека в один миг. И это будет не каприз, не гнев — это будет закон. А мы с тобой и Лира оказались бы рядом с тобой на плахе. Команду бы отправили на рудники. И всё — по закону.

Эрл сидел, чуть ссутулившись, и смотрел в свою кружку, будто в ней было не пиво, а ответы на все вопросы. Он не отводил взгляда, но и не спорил сразу.

— Я знаю, на что иду, — тихо сказал он.

— Да что ты знаешь! — рявкнул Дирек, тут же понизив голос, потому что на них начали коситься. — Ты знаешь, что можешь умереть? Это ты знаешь. А знаешь ли ты, что из-за твоего упрямства могут умереть другие? Я доволен тобой, парень. Ты талантливый. Ты полезный. Но твоё упрямство чуть не стоило нам всем жизни. Если ты свою жизнь ни во что не ставишь, почему ты так рискуешь чужими?

Эрл поднял глаза. В них не было дерзости — была усталость и какая-то упрямая решимость.

— Именно поэтому я стараюсь быть один. Чтобы отвечать только за свою жизнь.

Дирек фыркнул, но без насмешки — скорее с горечью.

— Красиво говоришь. Но мы-то уже не одни. Мы с тобой в одной упряжке. И Лира тоже.

— У меня есть цель, — продолжил Эрл, будто не слыша упрёка. — Я должен найти ответы. Кто я, откуда появился, где мои настоящие родители. Время идёт, счёт на дни. Быть может, они уже стары и ждут меня. А может, им прямо сейчас нужна моя помощь. И если я не попробую их найти... если просто сдамся и скажу: «Ну, раз трудно, значит, не судьба»... тогда я перестану быть собой.

Дирек покачал головой.

— Мёртвый ты им ничем не поможешь. И вообще... возможно ли это? Столько лет прошло. Может, их уже и нет.

— Может, — спокойно согласился Эрл. — Но я должен хотя бы попытаться.

— Это не аргумент, — жёстко сказал Дирек. — Нельзя так рисковать.

К разговору присоединилась Лира. Она сидела чуть в стороне, сложив руки на столе, и смотрела на Эрла не с осуждением, а с той тихой настойчивостью, которая бывает у людей, привыкших видеть последствия чужих решений.

— Водопровод — это благое дело, — сказала она ровно, но твёрдо. — Ради людей. Чтобы избавить их от страданий. Чтобы в домах была вода, чтобы дети не болели, чтобы старики не тащились к колодцу. Твои поиски важны для тебя. Но на весах жизни они весят меньше.

Эрл не стал спорить, но и не сдался.

— Я понимаю это. Правда.

— Тогда почему ты так рвёшься на рожон? — спросила Лира мягче, но не менее настойчиво.

Эрл помолчал, будто подбирая слова, которые не сделают ему стыдно.

— Есть ещё одна причина. Она... в Айше.

Имя прозвучало тихо, почти шёпотом, но в духане, полном шума, оно будто повисло в воздухе, став отдельным звуком.

— Она пронзила меня, — продолжил он, глядя куда-то мимо кружки, будто видел не деревянные доски стола, а её лицо. — Её голос, её взгляд, её доброта... Всё это пробило мою броню. И теперь эта броня трещит по швам. Привязанности приковывают к земле. Если я дам волю чувствам, прощай небо, прощай свобода, прощайте поиски ответов. Я стану другим. А я не хочу становиться другим, пока не найду тех, кто меня ждал.

Дирек хмыкнул, но не насмешливо — скорее устало. Он не смел смеяться над чувствами парня, да и не хотел.

— Ты слишком сильно накручивает себя, Эрл. Ты раздуваешь проблему там, где её быть не может. Айша — королева. Ты — простолюдин. Пусть и талантливый. Тебя к ней больше не подпустят никогда. Тот разговор за ужином — первый и последний. И лучше бы тебе об этом не забывать.

Лира кивнула, соглашаясь.

— Сосредоточься на работе, — сказала она мягко, но настойчиво. — Сделай водопровод. Сделай его хорошо. И тогда ты будешь свободен, как ветер. Ты сможешь лететь куда хочешь, искать кого хочешь. Но сначала — закончи дело. Ради людей. И ради нас.

Эрл медленно кивнул. Он не спорил, но и не обещал, что забудет.

— Я сделаю водопровод, — сказал он наконец. — Сделаю его так, чтобы он служил городу. Но я не могу обещать, что забуду, зачем я здесь. Не могу обещать, что перестану искать.

Дирек вздохнул, откинулся на спинку лавки и посмотрел на него долгим взглядом.

— Ладно. Пусть будет так. Но помни: если ты снова пойдёшь на рожон, ты пойдёшь один. Я не стану хоронить друзей из-за чужой гордости.

Лира чуть наклонила голову, будто принимая это условие.

— Мы поможем тебе закончить работу. Но дальше... дальше ты сам. Если захочешь лететь — лети. Но сначала закончи дело.

Эрл снова кивнул, и в этом кивке было не столько согласие, сколько обещание, которое он давал прежде всего себе.

В духане тем временем кто-то запел хриплым голосом старую песню, и шум снова накрыл их стол, спрятав разговор в общем гуле. Но слова уже были сказаны, и каждый из троих знал: теперь всё будет иначе.

Под утро дворец будто выдыхал напряжение минувшей ночи и проваливался в ту особенную, тяжёлую дремоту, когда даже тени кажутся уставшими. В коридорах не было ни суеты, ни шёпота — только редкие шаги ночных дозорных, да тихий скрип рассохшегося дерева.

А на узкой винтовой лестнице, почти скрытой за тяжёлой портьерой, было совсем темно. Лишь тонкая полоска серого рассвета пробивалась сквозь узкое окно под самым куполом, ложась на ступени, как лезвие ножа. Здесь, в этом укромном месте, Заина стояла напротив стражника — не из дворцовой гвардии, а из тех, кто служит не по чести, а по нужде: невысокий, жилистый, с лицом, будто высеченным из старого камня. Его звали Рахим, и он знал цену словам, которые здесь произносят.

— За каждым шагом, — прошептала Заина, и голос её звучал непривычно жёстко, без той мягкой покорности, к которой все привыкли во дворце. — За каждым словом. Если она выйдет из покоев — ты идёшь следом, но так, чтобы она тебя не видела. Если к ней кто-то приходит — запоминай лица, имена, даже если их не называют. Если она шепчет — старайся услышать.

Рахим чуть наклонил голову, не отводя взгляда.

— А если она заметит? — спросил он тихо, без страха, просто уточняя условия сделки.

— Не должна заметить, — ответила Заина. — Ты ведь умеешь быть тихим. Ты ведь поэтому здесь.

Он едва заметно усмехнулся.

— Умею. Но тихий шаг не всегда спасает от зорких глаз.

— Тогда будь умнее глаз, — резко сказала Заина, и в её голосе проскользнула сталь, которую она обычно прятала за вежливой улыбкой. — Если она тебя заметит, ты ничего не знаешь. Ты просто стражник, который идёт по своим делам. Но я хочу, чтобы не заметила.

Рахим снова кивнул.

— Что именно ищете?

Заина на мгновение запнулась. Ей хотелось сказать: «Слабость», «Ошибку», «Повод». Но вместо этого она произнесла:

— Способ. Тихий. Лёгкий. Без крови.

Стражник чуть приподнял бровь, будто хотел спросить: «А бывает ли такой?», но сдержался.

— Без крови сложнее, — сказал он спокойно. — Но возможно. Иногда достаточно одного слова, сказанного не тому человеку. Иногда — одного письма, которое не туда попало. Иногда — просто тени сомнения, которую кто-то вовремя заметит.

Заина сжала пальцы в кулаки, пряча их в складках плаща.

— Мне не нужны твои рассуждения. Мне нужен результат.

— Результат требует времени, — так же спокойно ответил он. — И осторожности.

Она хотела возразить, хотела приказать, чтобы он действовал немедленно, но вовремя остановилась. В этом деле спешка могла всё испортить.

— Действуй осторожно, — произнесла она уже тише, возвращая голосу привычную мягкость, но не теряя твёрдости. — Но действуй. Я хочу знать всё. Даже то, что кажется мелочью. Даже если это просто взгляд, который она бросила в окно.

Рахим ещё раз кивнул, развернулся и бесшумно скользнул вниз по ступеням, растворяясь в полумраке. Заина постояла ещё мгновение, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась ей не спокойной, а насторожённой.

Когда она наконец двинулась вверх по лестнице, её шаги были почти беззвучны, но в груди билось что-то тяжёлое и холодное — не страх, а решимость. Она не хотела зависеть от Джамала, от его тёмных планов и его обещаний власти, которые могли оказаться такой же иллюзией, как лунный свет на воде. Ей нужен был свой путь. Свой план. И Айша стояла на этом пути — не как враг, а как препятствие, которое нужно обойти, убрать, растворить в тени, чтобы никто даже не заметил, как она исчезла.

В её голове крутились обрывки мыслей: «Не кровь. Не скандал. Что-то тихое... что-то, что само притянет к ней беду». Она вспомнила, как Сахиб говорил о законе, о порядке, о том, что даже тень сомнения может стать приговором, если её вовремя поднести к огню. И если

Айша сделает хоть один неверный шаг... если хоть раз нарушит неписанные правила дворца... тогда Заина будет рядом, чтобы этот шаг заметили.

Добравшись до своих покоев, она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, закрыв глаза. В комнате было прохладно, и утренний свет, пробивавшийся сквозь ставни, казался ей чужим, почти враждебным.

«Я не стану пешкой в чужой игре, — подумала она, сжимая пальцы в кулаки. — Даже если для этого придётся играть по самым тёмным правилам».

Эрл пришёл на край каньона задолго до рассвета. Небо ещё было густо-синим, почти чёрным, с редкими холодными звёздами, а воздух — пронизывающе свежим, будто сам каньон выдыхал из своей глубины ледяное дыхание земли.

Площадка на краю обрыва была огромной, но казалась крошечной перед бездной. По краю, как зубья исполинского гребня, выстроились механизированные лифты — десятка два, не меньше. Каждый — с массивной клетью, толстыми цепями, рычагами и зубчатыми колёсами, отливающими тусклым металлом в первых лучах рассвета. Рядом с ними уже стояли ящики с инструментами, катушки тросов, деревянные поддоны с деталями, и всё это выглядело как части какого-то гигантского живого механизма, который вот-вот должен был проснуться.

Эрл остановился у самого края, где камень обрывался в пустоту, и посмотрел вниз. Где-то там, на дне, поблёскивала река — тонкая серебряная лента, почти игрушечная с такой высоты. Но он знал: чтобы дотянуться до неё, чтобы поднять воду наверх, нужно не просто построить трубы. Нужно укротить гравитацию, заставить потоки течь туда, куда нужно людям.

Он ещё никогда никем не командовал. Никогда не стоял во главе такого масштаба. И сейчас, среди этого железа, камня и бездны, он чувствовал себя странно: одновременно слишком маленьким и слишком нужным.

Постепенно на площадку стали стекаться люди. Мастера в кожаных фартуках, рабочие с мозолистыми руками, инженеры с блокнотами и угрюмыми лицами, привыкшими к тяжёлой работе и ещё более тяжёлым решениям. Они не толпились, не шумели, а расходились по местам, занимая свои привычные точки, как детали в отлаженном механизме. Кто-то проверял крепления лифтов, кто-то осматривал тросы, кто-то тихо переговаривался, сверяя списки.

Эрл стоял чуть в стороне, стараясь не мешать, но его присутствие уже ощущалось. Люди искоса поглядывали на него, шептались, передавая друг другу: «Это он. Тот самый чужеземец. Главный инженер».

И вот к нему подошёл человек — невысокий, крепкий, с лицом, изрезанным морщинами, как карта старых дорог. В руках он держал свёрнутые в тугие рулоны чертежи.

— Господин, — коротко кивнул он, и в этом кивке не было ни подобострастия, ни насмешки, только уважение к делу. — Пора взглянуть. Тут всё: водопровод, насосы, механизмы подъёма.

Эрл кивнул, стараясь скрыть волнение. Он развернул чертежи на грубо сколоченном столе, прибитом к камню так, чтобы его не сдуло ветром с каньона. Линии, схемы, расчёты — всё было здесь. Он взгляделся, и почти сразу заметил то, что резануло глаз: неверный угол наклона основной трубы, просчёт в распределении нагрузки на опоры, ошибка в расчёте давления.

— Здесь не выдержит, — тихо, но твёрдо сказал он, проводя пальцем по линии. — Если пустить воду под этим углом, давление разорвёт стыки уже на второй день. А здесь... — он ткнул в другую точку, — опора стоит не там. Её нужно сместить на три локтя влево, иначе вся конструкция начнёт проседать.

Человек, принёсший чертежи, нахмурился, будто не хотел верить, но не спорил.

— А как тогда?

Эрл быстро набросал несколько линий, добавил пометки, объяснил, как перераспределить нагрузку, как укрепить стыки, как использовать гравитационные потоки, чтобы вода сама помогала себе подниматься. Он говорил не как начальник, а как тот, кто видит механизм насквозь, кто чувствует, как металл хочет согнуться, а камень — треснуть.

Вокруг постепенно собирались люди. Сначала один, потом другой, потом ещё и ещё. Они подходили ближе, заглядывали через плечо, слушали, не перебивая. На лицах появлялось то, что Эрл раньше редко видел в отношении себя: не любопытство, не подозрение, а доверие. Доверие к рукам, которые знают, как держать инструмент, и к уму, который знает, как заставить железо служить.

Когда он закончил, на площадке стояла тишина. Даже ветер, казалось, притих, прислушиваясь.

Эрл огляделся. Перед ним стояли десятки людей, и все ждали от него слова. Он хотел что-то сказать, хотел отдать команду, но слова застряли в горле. Он не знал, как это делается — как взять на себя ответственность за столько жизней, за столько труда, за весь этот огромный, шумный, живой механизм.

Но ему и не пришлось.

Тот самый человек, что принёс чертежи, выпрямился, поднял голову и громко, так, что голос его разнёсся над каньоном, перекрывая даже отдалённый гул реки внизу, крикнул:

— Ну что, вы слышали, что сказал главный инженер?! Быстро за работу! Все бригады — к лифтам!

И площадка взорвалась движением. Рабочие подхватывали инструменты, мастера сверялись с новыми пометками, инженеры выкрикивали короткие приказы. Люди разбивались на группы, каждая — к своему лифту. Клетки со скрипом опускались вниз, унося людей в глубину каньона, туда, где начиналась настоящая работа.

Эрл стоял и смотрел, как его слова превращаются в действие, как его расчёты становятся реальностью. Он не отдавал приказов, но его слышали. Он был новичком в руководстве, но не в деле — и этого оказалось достаточно.

Один из мастеров, проходя мимо, коротко кивнул ему:

— Сделаем, господин. Как надо сделаем.

И Эрл понял: ему не нужно кричать, не нужно стучать кулаком по столу. Его слушают не потому, что он начальник. Его слушают, потому что он знает, как сделать правильно.

Ветер снова рванул с каньона, швырнув в лицо горсть пыли, но Эрл даже не поморщился. Он смотрел, как последний лифт уходит вниз, как площадка пустеет, оставляя только следы ног, разбросанные чертежи и ощущение, что сегодня началось что-то большее, чем просто строительство водопровода.

Сегодня началось укрощение бездны.

На дне каньона царил иной мир — тяжёлый, тёмный, наполненный грохотом и движением. Сюда почти не доходил дневной свет: он застревал где-то наверху, в изломах скал, и до низа добирался лишь редкими косыми полосами, будто пытался заглянуть в запретную кузницу самой земли.

Воздух был влажным и холодным, пропитанным запахом мокрого камня и горячего металла. Повсюду грохотала вода: стремительные потоки неслись между валунами, вздымая брызги, которые оседали на механизмах маслянистой плёнкой. Огромные острые камни торчали из русла, как зубы древнего зверя, а между ними, там, где течение чуть успокаивалось, рабочие возводили первые узлы водозаборной системы.

Здесь всё было впечатляюще: массивные чугунные рамы, соединённые толстыми заклёпками; медные трубки, переплетённые, как вены; зубчатые колёса, вращающиеся от напора воды; паровые редукторы, шипящие паром, будто живые существа. Механизмы перераспределения гравитационных потоков выглядели особенно странно: тяжёлые маятниковые регуляторы, подвешенные на цепях, и массивные противовесы, которые должны были «уравновешивать» напор воды, заставляя её течь вверх вопреки привычному порядку вещей.

Люди работали в полумраке, при свете масляных фонарей, чьи огоньки дрожали от вибрации земли и ветра. Они ползали по мокрым камням, цеплялись за скобы, вбитые в скалы, передавали друг другу тяжёлые детали, кричали, чтобы услышать хоть слово сквозь рёв воды. Работа была опасной: один неверный шаг — и человека могло унести течением, один промах с тяжёлой деталью — и она могла кого-нибудь покалечить.

Эрл двигался среди этого хаоса легко и уверенно, будто сам каньон был ему домом. Он не скользил там, где другие теряли равновесие, не спотыкался о камни, которые казались непреодолимыми. Он знал, как ставить ногу на скользкий выступ, как использовать инерцию, чтобы перепрыгнуть через бурлящий поток, как держаться за едва заметные выступы.

Он подходил к каждому узлу, проверял крепления, кивал или указывал на недочёты, и рабочие тут же исправляли их. Его движения были экономными, точными, лишёнными суеты. Казалось, он не просто понимает, как устроены механизмы, — он чувствует, как они хотят работать, и помогает им раскрыться.

В какой-то момент раздался крик. Один из молодых рабочих, торопясь закрепить тяжёлую раму, оступился на мокром камне. Его нога поехала, он взмахнул руками, пытаясь удержаться, но течение уже схватило его за сапоги, потянуло к самому опасному месту — к водовороту, где вода кружилась в бешеной спирали, грозя утащить человека на дно.

— Держи! — закричали сразу несколько голосов, бросая верёвки, но расстояние было слишком большим, а поток — слишком сильным. Верёвки падали мимо, а парень уже почти исчез под пеной.

И тут Эрл рванулся вперёд. Он прыгнул с камня на камень, не глядя под ноги, будто знал каждый выступ наизусть. В один миг он оказался у самого края водоворота, протянул руку и схватил рабочего за запястье — крепко, железной хваткой, не давая воде забрать его.

— Держись! — рявкнул он, упираясь ногами в скользкий валун, отклоняясь назад, чтобы уравновесить рывок течения.

Рабочие бросились к ним, накинули верёвку, обвязали парня, и совместными усилиями вытянули его на относительно безопасный выступ. Парень лежал, тяжело дыша, вода стекала с него ручьями, а в глазах застыл ужас.

— Ты жив, — коротко сказал Эрл, помогая ему сесть и прислониться к камню. — Жив. Это главное.

Парень кивнул, не в силах выговорить ни слова.

Вокруг на мгновение стало тише. Даже вода будто приглушила свой рёв. Рабочие смотрели на Эрла не просто с уважением — с восхищением. Тот, кто только сегодня утром не знал, как отдать приказ, сейчас спас одного из них, не раздумывая, не колеблясь, будто это было самым естественным делом на свете.

Один из старших мастеров, седой и крепкий, с лицом, изрезанным шрамами и морщинами, подошёл к Эрлу и положил ему руку на плечо.

— Ты не просто инженер, — проговорил он, перекрывая шум воды. — Ты наш человек.

Эрл чуть наклонил голову, не отводя взгляда от механизмов, будто не хотел принимать похвалу, но и не собирался её отвергать.

— Давайте закончим работу, — сказал он спокойно. — Пока свет ещё есть. Пока камни не стали ещё скользче.

И работа закипела снова. Люди двигались быстрее, увереннее, зная, что рядом есть тот, кто не даст им пропасть. Эрл снова пошёл вдоль узлов, проверяя крепления, подсказывая, где усилить, где перестроить. Он не командовал громко, не кричал, но его слушали. Его слово стало законом не потому, что он был главным, а потому, что оно спасало жизни.

А наверху, в дворцовом саду, Айша стояла у каменной балюстрады, глядя вниз, туда, где на краю каньона громоздились механизмы, а внизу, в полутьме, мелькали огоньки фонарей и двигались крошечные фигурки людей. Сад был устроен так, что отсюда открывался отличный вид на стройку — будто сама природа подстроила этот балкон как сцену, на которой разыгрывалась великая драма.

Весть о том, как Эрл спас рабочего, дошла до неё быстро: слуги шептались, стражники пересказывали друг другу, и даже садовник, подрезавший розы, вдруг замер и пробормотал: «Говорят, чужеземец прямо в пасть водовороту прыгнул... и вытащил парня».

Айша не верила до конца, пока не увидела его сама. Вот он поднялся наверх по скрипучей лестнице лифта, мокрый, перепачканный в саже и глине, но с той особой собранностью, которая бывает у человека, только что победившего стихию. Его плечи были напряжены, волосы прилипли ко лбу, а лицо горело от ветра и работы.

Она смотрела на него, и сердце у неё билось чуть быстрее обычного. Ей нравился этот контраст: в нём не было показной бравады, но была та тихая сила, которая не требует слов. Он был молод, крепок, разгорячён работой — и в этом его живом, настоящем облике было что-то, от чего у неё невольно вспыхнул румянец на щеках. Она попыталась скрыть его, опустив взгляд к цветам, но румянец не прятался.

А неподалёку, в тени кипарисов, притаился шпион Заины — тот самый Рахим, что следил за каждым шагом Айши. Он стоял неподвижно, сливаясь с тенью, и видел всё: и как королева застыла у балюстрады, и как вспыхнули её щёки, и как она, сама того не замечая, чуть подалась вперёд, будто хотела быть ближе к тому, кто сейчас внизу укрощал воду и камни.

Рахим ничего не записывал, но запоминал каждое движение. Он знал: такие мелочи стоят дороже любых документов.

Когда Айша наконец отвернулась и пошла вглубь сада, Рахим скользнул прочь, растворяясь в зелени, чтобы позже передать Заине одну короткую, но важную фразу: «Королева смотрит на него. И ей не всё равно».

Заина выслушала это с лёгкой, почти незаметной улыбкой. Она сидела в своих покоях, где свет ламп был мягким, а тени — длинными и послушными. Для неё Эрл не был угрозой. Напротив, он становился важной частью её плана, о котором пока никто не знал. Пусть Айша тянется к нему — пусть в её взгляде будет этот живой огонь. Пусть она делает маленькие, едва заметные шаги в его сторону. Это сделает её уязвимой. Это даст Заине рычаг, которым она сможет осторожно, без крови, без громких скандалов, повернуть ход событий так, как нужно ей.

— Хорошо, — тихо сказала Заина, когда Рахим закончил доклад. — Пусть всё идёт, как идёт. Пусть она смотрит. Пусть надеется. А мы будем ждать нужного момента. В мыслях её уже выстраивалась тонкая, изящная цепочка событий, где Эрл был не препятствием, а звеном — тем самым, что соединит всё воедино.

С этого дня утро в дворцовом саду стало для Айши ритуалом. Ровно в тот час, когда первые лучи солнца касались края каньона, она выходила на балкон — не спеша, будто просто хотела вдохнуть прохладу, но на самом деле искала взглядом одну фигуру среди десятков других.

Эрл спускался вниз первым. Он появлялся на площадке у лифтов, на мгновение замирал, вглядываясь в бездну, будто проверял: не изменилась ли она за ночь, не стала ли опаснее. И в этот миг он поднимал глаза — не прямо на балкон, а чуть выше, туда, где сад обрывался в каменную балюстраду. Он не мог позволить себе дольше смотреть. Не мог даже чуть заметно кивнуть. Но он смотрел. И она знала: он смотрит.

А вечером, когда солнце уже садилось и тени вытягивались по дну каньона, Эрл поднимался вверх. Усталый, перепачканный, с потемневшими от пыли и воды волосами, он будто становился ещё живее — в нём было столько движения, столько силы, что даже издалека казалось: он светится изнутри. И снова на миг он задерживал взгляд на балконе. И снова — только миг.

Они не могли встретиться. Не могли поговорить. Не могли даже взмахом руки поприветствовать друг друга. Это было запрещено, невысказано, смертельно опасно. Сахиб не терпел вольностей, а тем более — нарушения границ между миром дворца и миром простых людей. Одна только встреча, один разговор наедине — и любого причастного казнили бы, не разбираясь, кто прав, кто виноват.

Но у них были глаза. И в этих взглядах умещалось всё: и тоска, и надежда, и робкое обещание чего-то большего. В его взгляде была благодарность за то, что она смотрит, за то, что ждёт, за то, что верит в него. В её взгляде — тихая просьба: «Не сдавайся. Держись. Ты справишься».

Айша старалась выглядеть красиво — не для придворных, не для Сахиба, а для него. Она выбирала платья из тонкого шёлка, которые ловили свет и делали её силуэт почти невесомым. Причёску укладывала так, чтобы ветер мог играть прядями, не разрушая изящества. Она оживала на глазах, как оживает засохший цветок, когда к его корням наконец добирается влага. Её глаза стали ярче, улыбка — легче, даже походка изменилась: в ней появилась та лёгкая пружинистость, которая бывает у человека, который ждёт чего-то хорошего.

Она думала, что её видит только он. Что эти мгновения принадлежат лишь им двоим. Но за её преображением наблюдал ещё один человек.

Рахим, шпион Заины, стоял в тени кипарисов и видел всё. Он замечал, как она замирает у балюстрады, как её пальцы сжимают камень, как вспыхивает румянец на щеках, когда Эрл

поднимает голову. Он видел, как она каждый раз чуть подаётся вперёд, будто хочет преодолеть эту пропасть одним шагом. И он докладывал обо всём Заине.

Заина слушала, не перебивая, и в её глазах загорался холодный, расчётливый огонь. Для неё это было не просто наблюдение — это был ключ.

— Пусть смотрит, — шептала она, будто убеждая саму себя. — Пусть надеется. Пусть верит, что эти взгляды — их тайна.

Для Заины Эрл не был угрозой. Он был рычагом. А Айша — пешкой, которая сама не знает, как сильно хочет вырваться из клетки.

И Заина хотела, чтобы они встретились. По-настоящему. Чтобы между ними вспыхнуло пламя, которое уже нельзя будет потушить словами и приказами. Чтобы Айша решилась бежать вместе с ним — от тоски, от тяжести дворцовых стен, от ледяного спокойствия Сахиба. Чтобы она сбежала навсегда, оставив трон пустым, а Заине — свободу действовать.

Одна встреча. Один разговор. Один шаг за пределы дозволенного. Этого будет достаточно.

И Заина начала готовить эту встречу. Тихо, незаметно, шаг за шагом. Она не торопилась: спешка могла всё испортить. Она ждала подходящего момента, когда желание Айши станет сильнее страха, а усталость Эрла от одиночества — острее осторожности.

Пока же она наблюдала, как день за днём Айша расцветает на балконе, а Эрл, поднимаясь из каньона, всё дольше задерживает взгляд на садовой балюстраде. И улыбалась про себя, потому что знала: рано или поздно этот взгляд станет чем-то большим, чем просто взгляд.